

Свинья или гусь

Emile Costa

Published by Emile Costa, 2020.

This is a work of fiction. Similarities to real people, places, or events are entirely coincidental.

СВИНЬЯ ИЛИ ГУСЬ

First edition. February 6, 2020.

Copyright © 2020 Emile Costa.

Written by Emile Costa.

Глава 1

Дорога между Сен-Клод и Бельфонтэном опасна. Она петляет среди гор, то поднимаясь вверх, то круто опускаясь, и окружена непроходимым лесом. Немногие решаются путешествовать здесь в одиночку. Человек, бредущий по этой дороге ненастным осенним днем, определенно имел на то веские причины.

Под ногами чавкала грязь, ветер раздувал полы кожаного плаща. Вода стекала с полей черной шляпы на лицо. Настроение мужчины было под стать погоде. Желудок его урчал, а ноги гудели. До постоялого двора, расположенного ближе к Сен-Клод, оставалось менее одного лье^[1]. По такому ненастью было бы весьма разумно остановиться там на ночлег, однако после этого финансы оскудеют окончательно.

Путник опустил на большой валун рядом с обочиной. Ветер раскачивал сосны над головой. Он продрог окончательно, зато ветки здесь укрывали от дождя. Мужчина не отличался склонностью к философствованиям, однако в эту минуту крепко задумался: куда и зачем он идет?

Экипаж, запряженный парой крепких лошадей, выехал из-за поворота дороги. Окошки были наглухо задернуты красными занавесками. Усталые животные с трудом шли вперед; возница, надвинув шляпу и втянув голову в плечи, едва глядел на дорогу. Повозка тяжело проползла мимо и исчезла за следующим поворотом. Никем не замеченный путник глядел ей вслед. На смуглом лице читалось изумление вперемешку со злостью.

— Старое доброе семейство Кланду! Какая приятная и скорая встреча, — пробормотал он.

Сколько раз за последние шесть месяцев этот экипаж с красными занавесками возил его по улицам Бельфонтэна. Почтенное семейство обогрело и приютило путника, за все услуги платя ему искренней признательностью и звонкой монетой. Так было до вчерашнего дня.

Крик мадам Кланду до сих пор звучал в ушах. Мужчина дословно помнил все оскорбления, которыми его осыпала эта бойкая старушка, пока ее супруг с молчаливым неодобрением взирал на происходящее. А что, собственно, происходило, путник не понял вчера и не понимал до сих пор.

Полгода назад он прибыл в город и в первом же трактирчике узнал, что пожилой нотариус страдает от подагры. На другой день путник отправился к дому Кланду, представился врачом и предложил свои услуги. Специального образования он не получал, но обладал обширными познаниями во многих областях, в том числе в медицине. Сам себя он считал вполне честным малым. Путник неплохо разбирался в целебных травах, тяжелыми заболеваниями никогда не интересовался, а если и брал нож в руки, то только чтобы разрезать жареную курицу.

Этот самоназванный врач не торговал панацеей, не мучил пациентов клистиром и вообще был добр. Учтивые манеры, приятная внешность и острый ум открывали ему практически любые двери. Обычно он уходил раньше, чем эти двери успевали закрыться, но вчера все сложилось иначе. Мадам бесновалась, старый мсье молчал, а мадемуазель Мари... Ее там не было.

Мари. Это милое двадцатитрехлетнее дитя. Любимая младшая дочь Кланду. Ее старшая сестра рано вышла замуж, и семья окружила девушку невиданной заботой. Внешностью и повадками Мари пошла в отца: это была высокая худая девица с тонкими чертами лица и пепельными волосами, молчаливая до угрюмости. Ничего общего с маленькой пухлой матерью. За все время, что доктор провел в доме, он едва перебросился двумя словами с мадемуазель. Но мадам отчего-то считала иначе.

Свои обвинения она перемежала такой отборной бранью, какую услышишь не от всякой площадной торговки. Мужчина толком не разобрал, что успел натворить. Понял лишь, что дело касается Мари, что дело плохо и что ему указывают на дверь. Хуже того: летом они с Кланду

договорились о помесячном расчете — и денег ему больше не видать. Остаться в городе тоже больше нельзя.

Но в чем же его вина? Неужели мадам решила, что доктор имеет виды на ее дочь? Вполне понятно, что такой жених не интересовал почтенное семейство, но в такой же мере его не интересовала Мари. Северные красавицы вообще не привлекали доктора: ему всегда нравились южанки.

Ох уж эти черноволосые хохотушки! Вероятно, именно такой была мадам Кланду лет тридцать тому назад. Сейчас об этом помнил разве что ее супруг, и, судя по нежным отношениям стариков, помнил хорошо. Даже будучи не вполне согласным с женой, мсье Кланду ни словом, ни делом не возражал ей. А ведь этот старый молчун не выставил бы за дверь даже черта, не расплатившись с ним.

Поднявшись с камня, мужчина поправил тяжелую сумку и решительно зашагал вперед. Теперь он знал, что делать. Кланду наверняка останутся в гостинице, а если нет — он все равно нагонит их в Сен-Клод и потребует своего.

Постоялый двор оказался за вторым или третьим поворотом дороги. Путник был слишком увлечен мыслями, чтобы считать, однако покосившийся частокол, которым был обнесен трактир, он заметил сразу. Над тяжелыми воротами было криво намалевано: «Свенья и гусь». Поблекшая вывеска изображала развеселую хрюшку верхом на птице неизвестной породы. По-видимому, художник не был наделен особыми талантами.

Двухэтажная гостиница стояла в глубине двора, окруженная как попало налепленными хозяйственными постройками. Еще не зайдя в ворота, путник увидел знакомый экипаж. Он стоял под дождем; переднее колесо с переломанными спицами лежало рядом. Возница возвращался в город, для чего распряг и оседлал самую резвую лошадь. Он выехал навстречу путнику и проскакал мимо, обдав его грязью.

Вторую лошадь неспешно распрягал высокий светловолосый мужчина с военной выправкой. Лицо его можно было бы назвать красивым, если бы не глаза. Незнакомец смотрел на мир настороженно, словно не ожидал от него ничего хорошего. Стараясь не увязнуть в грязи, путник подошел ближе и дружелюбно поинтересовался:

— Что, не повезло господам?

— Поломались бы посреди дороги — повезло бы еще меньше, — буркнул работник.

— Это точно... Как у вас с кормежкой? А свободные комнаты есть?

— Кормят. А насчет комнат — войди да спроси. Нашел привратника... — и брюзга махнул рукой в сторону гостиницы. Пожав плечами, путник отправился в заданном направлении.

Увесистая дверь с трудом распахнулась, выпустив облако теплого воздуха. Переступив порог, путник оказался в просторном обеденном зале. Здесь жарко пылал камин, а из открытой кухни неслись такие ароматы, что у голодного путника закружилась голова. Миновав лестницу, ведущую на верхний этаж, он приблизился к прилавку, за которым стоял трактирщик.

Это был сухопарый мужчина лет пятидесяти на вид. За его спиной стоял грубо сколоченный буфет с винными бутылками и чистой посудой. В эту минуту трактирщик без особого рвения решал вопрос с ночлегом для семейства Кланду. Отец и дочь были здорово вымотаны и молча восседали на дорожных сундуках, однако старая мадам не растеряла обычной бодрости. Ее причитания были слышны даже в Париже:

— Два су^[2] за комнату с тремя кроватями! Вы в своем уме? Мой муж — уважаемый в Бельфонтэне человек, и он болен! Дочь устала с дороги! Как прикажете троим ютиться в этой вонючей клетушке? Я не желаю кормить клопов!

— Мадам, наш лучший номер занял знатный господин, в другом остановился купец из Сен-Клод. Каморку для слуг я вам не предлагаю. Этой ночью вы покормите или моих клопов, или медведей в лесу.

— Да я...

— Дорогая! — вполголоса увещевал ее муж, — Это всего на одну ночь. Карету завтра починят, и мы двинемся дальше,

Женщина приготовилась дать супругу достойную отповедь, когда заметила путника. Он подошел совсем близко и опустил сумку на скамью. Звякнуло стекло. Мадам устала на старого знакомого, затем схватила с прилавка ключи и сбегала наверх, увлекая семейство за собой.

Хозяин не смущаясь разглядывал нового гостя. Лет тридцати пяти, в черном с головы до ног и с сумкой, полной стекла. Ничто в облике

путника не говорило о высоком положении и наличии денег. Трактирщик без лишних церемоний сказал:

— Если нужен ночлег, свободна только комната для слуг. Десять денье^[3] за ночь, пятнадцать с кормежкой.

Путник развязал тесемки плаща, порылся за пазухой и положил на прилавок серебряный су.

— Сдачи не требуется. Ужин должен быть горячим, и поскорее.

Получив монету, трактирщик проникся к гостю симпатией.

— Ужин будет готов через час, — сказал он, открывая регистрационную книгу, — Ваше имя, мсье?

— Я доктор. Доктор Андре Эрмите, — помедлив, ответил путник. Представляться врачом не входило в его планы, но менять личину в присутствии Кланду было бы глупо, — Кто-нибудь сможет привести в порядок мою одежду и сапоги?

— Оставьте их за дверью, к утру будут как новенькие. Ваш ключ, мсье. От лестницы первая дверь налево.

Хозяин выдал гостю ключ и вышел на кухню. Путник сбросил грязный плащ на скамью, подошел к камину и протянул руки к пламени. Снаружи выл ветер, косой дождь колотил по мутным стеклам окон, выходящих во двор. Накануне ужина обеденный зал пустовал. Из-за открытой двери доктор слышал спор между трактирщиком и кухаркой.

— Через час?! Как ты себе представляешь ужин через час? Я едва начала готовить для этих господ из Бельфонтэна, а теперь еще один постоялец.

— Не твоего ума дело, знай готовь! — оборвал женщину хозяин.

— Я-то приготавливаю, только не через час, а через два! Ясно, Пьер? Ты от жадности совсем ум потерял — пускать приличных людей в каморку для слуг. Уйди с глаз моих...

Хмурый трактирщик вернулся за стойку. Заметив, что новый постоялец еще находится в зале, он нахмурился еще сильнее и уткнулся в регистрационную книгу. Путник собрал свои вещи и поднялся по скрипучей деревянной лестнице.

В коридоре наверху было темно. Андре ощупью добрался до ближайшей двери и отпер замок. Крошечная каморка располагалась

совсем рядом с лестницей. Рядом с дверью доктор увидел шаткий стул, бросил на него плащ и вошел внутрь.

Каморка для слуг оказалась совсем тесной, крошечное окно виднелось под самым потолком. Соломенный тюфяк, ветхий сундук — вот и вся обстановка номера за десять денье. В другое время Эрмите потребовал бы для себя лучших условий. Возможно, даже громче, чем это сделала мадам Кланду. Но сегодня было не до роскоши. Ему нужен ночлег, тепло и горячая пища, чтобы собраться с силами перед грядущими хлопотами.

В чем конкретно заключаются эти хлопоты, он пока представления не имел. Однако последнее серебро пришлось отдать трактирщику, о чем мужчина уже успел пожалеть. Склонность пускать пыль в глаза без особой на то нужды жила в нем всегда и проявлялась в самый неподходящий момент. Теперь в кошельке оставалось несколько медяков; если не удастся получить от Кланду хотя бы часть оплаты, то дела его плохи.

Доктор сел на сундук, чтобы открыть сумку. Среди десятка склянок с разноцветными жидкостями он выбрал нужный, выдернул пробку и опрыскал тюфяк настойкой. Терпкий запах полыни наполнил комнату. В отличие от почтенного семейства, он не договаривался кормить хозяйских клопов этой ночью.

Еще раз заглянув в сумку, Эрмите вытащил пару мягких кожаных туфель. Он привык к частым путешествиям и гардероб имел самый простой: по одному комплекту одежды для города и для дороги. С трудом стянув ботфорты, мужчина переобулся и сменил промокшую черную рубашку на сухую белую.

После этого доктор лег на тюфяк и прикрыл глаза. Стены между номерами были тонкими, половицы — скрипучими. Он хорошо слышал причитания мадам; кажется, на этот раз ее привела в отчаяние жесткая кровать. Из номера купца время от времени доносилось старческое ворчание — иногда оно к кому-то обращалось, но ответа за этим не следовало.

Прошло не меньше часа, прежде чем заскрипела лестница, затем раздались шаги в коридоре и хриплый голос возвестил о начале ужина. Доктор открыл дверь и узнал брюзгу, которого встретил во дворе. На локте его правой руки висели грязные плащи постояльцев, а в огромной

пятерне мужчина держал не менее трех пар сапог. Эрмите вручил слуге свои ботфорты, и тот направился вниз.

Глава 2

Доктор первым из гостей спустился в зал. Там не было ни души, даже трактирщик куда-то делся. Эрмите выбрал стол справа от камина. Удобно разместившись, он наслаждался теплом и мог наблюдать за происходящим. Слуга отнес грязные вещи постояльцев на кухню и вернулся в зал. Он уселся за стол рядом с лестницей. Из дверей кухни выпорхнула невысокая женщина и направилась к доктору.

Простое ситцевое платье с белой блузой ладно сидели на ней и не скрывали пышных форм. Деревянные подошвы сандалий задорно стучали по полу, а локоны черных кудрей подпрыгивали при каждом шаге. Только когда красotka приблизилась, Эрмите понял, что ей не меньше тридцати пяти лет. Свежее лицо украшала приветливая улыбка. С трудом верилось, что это — та самая женщина, которая так яростно спорила с трактирщиком накануне ужина. Дешевое кольцо на ее безымянном пальце подсказало Эрмите, что отношения между трактирщиком и кухаркой куда ближе, чем хотелось бы.

— Добрый вечер, господин доктор! — хозяйка поставила перед ним подогретое вино, — На улице сегодня сущий ад. Согрейтесь как следует, я сейчас принесу остальное. Сегодня у нас луковый суп и кролик с репкой.

— Благодарю. Похоже, у вас будет много работы?

— Не больше, чем всегда, — улыбнулась женщина, — у нас часто останавливаются пообедать.

— Гостиница с такой прекрасной хозяйкой должна пользоваться успехом, — Андре не смог удержаться от комплимента.

— Если бы, мсье! Номера вечно пустуют. Очень жаль, что вы посетили нас, когда все приличные комнаты оказались заняты.

— Элен! — окликнул женщину брюзга.

Она подошла к нему и перебросилась несколькими короткими фразами, после чего скрылась на кухне. Между тем наверху захлопали двери. Услышав знакомый до боли крикливый голосок, доктор понял, что Кланду спускаются к ужину. Однако что-то их задержало. Возмущенная трескотня матери семейства перемежалась робким бормотанием ее мужа, увещеваниями дочери и возражениями четвертого неизвестного.

Вскоре вся компания показалась на лестнице. Первыми шли мадам и ее оппонент. К удивлению Эрмите, им оказался его знакомый из Бельфонтэна шевалье Де Мире. Они неоднократно сходились за карточным столом. Игрок из молодого господина был неважный: ему мешали азарт и неумеренность в выпивке. Себя доктор также не мог назвать особенно удачливым, но карты любил и почти всегда умел вовремя остановиться.

Причиной раздора между Кланду и дворянином послужил злополучный «господский» номер, который так желала получить мадам. Поняв, что лучшая комната досталась не просто знатному господину, а молодому гуляке из ее родного городка, она вновь вышла из себя. Ее муж и дочь спускались молча. Мадемуазель опиралась на руку седого отца, а тот, в свою очередь, опирался на тисовую трость. Подагра старого нотариуса не на шутку разыгралась после целого дня в трясущемся экипаже.

Шевалье, устав от нападок старой мадам, перестал обращать на нее внимание и уселся за стол слева от камина. Если он и узнал доктора, то не подал виду. Хозяйка поставила перед знатым господином его ужин — чуть более изысканный, чем трапеза, предложенная Андре.

Кланду расположились за одним из больших столов. Мадемуазель Мари выглядела изможденной и почти не притронулась к еде, которую принесла на деревянном подносе расторопная Элен. Отец семейства уткнулся в свою тарелку, отрешившись от происходящего. Старая мадам продолжала метать молнии и гневные взгляды в сторону шевалье. Это не мешало ему наслаждаться запеченным цыпленком и лучшим вином из местного погребка.

Элен принесла доктору обещанный ужин. Эрмите поблагодарил ее и вполголоса поинтересовался:

— Этот угрюмый слуга не доставляет вам неприятностей?

— Что вы, господин доктор! Это Жоффруа, старый приятель мужа. Когда-то он служил под началом Пьера. Три месяца назад полк распустили, и бедняга остался не у дел.

Элен вернулась на кухню и принесла отставному солдату скромный ужин и кувшин пива. Зал погрузился в тишину, нарушаемую только стуком ножей и восхищенным причмокиванием постояльцев. Прошло не менее получаса, когда наверху раздались тяжелые шаги, а на лестнице появился последний постоялец.

Купцом оказался тщедушный старик в богатых одеждах. Он пристально оглядел зал и направился к свободному столу рядом с Андре. Следом, топая на всю гостиницу, шел невероятного роста детина. Под шагами великана прогибались и стонали половицы. Охранник следовал за хозяином словно огромная уродливая тень.

Над залом повисла тишина. Мари уронила ложку и побледнела; родители с тревогой смотрели на нее. Элен застыла возле Жоффруа, отставной солдат крепче стиснул кружку могучей пятерней. Молодой шевалье проводил купца недобрый взглядом, не прекращая обглаживать румяное крылышко.

Всеобщее напряжение не ускользнуло бы даже от самого невнимательного свидетеля. Эрмите с любопытством наблюдал за загадочным постояльцем и его слугой. Купец между тем уселся и знаком подозвал Элен. Она обратилась к нему с преувеличенной любезностью:

— Добрый вечер, господин Греньи! Ваша свинина готова. Желаете к ужину чего-нибудь еще?

— Нет. Мне нужно поговорить с твоим мужем. Позови его, — прокаркал старик.

Женщина скрылась на кухне. Через минуту оттуда выбежал трактирщик с вином для себя и богатого господина. Пьер уселся на скамью напротив купца и наполнил два кубка. Этот дружественный жест не смягчил старика, который явно затеял неприятный разговор.

Андре слышал лишь обрывки фраз. Старик что-то говорил о повышении цен, Пьер с горячностью возражал. Элен появилась возле стола с подносом, на котором исходил паром богатый ужин господина Греньи, и поставила миску луковой похлебки для охранника. Напряжение незаметно улетучилось; постояльцы молча заканчивали ужин.

— Отец, отец! Медведи съели мост!

Зареванный, перепачканный грязью малец с грохотом ввалился в комнату. Все повскакивали с мест. Элен бросилась к мальчишке, чтобы увести его, но трактирщик остановил жену.

— Погоди, что там этот идиот сказал про мост?

— Медведи съели его! — всхлипывал мальчишка. — Я бежал из Сен-Клод, услышал рев, а когда обернулся — моста уже не было.

— А что же там было? — доктор подошел ближе. Он с интересом глядел на этого странного ребенка.

— Камни. Много камней, мсье!

— Должно быть, мост смыло, — предположил Эрмите, обращаясь к трактирщице. — Мальчик испугался и принял шум за рев медведя.

— Этому идиоту и пугаться не надо, чтобы навывдумывать черт знает чего! — Пьер с отвращением глядел на сына, — Уведи его отсюда, — сказал он жене.

— Идем, Жако, — мать обняла мальчика за плечи и увлекла его на кухню.

— Это был старый мост? — спросил доктор трактирщика.

— Нет, мсье. Его возводят заново почти каждый год, ненадежная переправа.

— И сколько времени уйдет на починку?

— Обычно от недели до двух. Перебраться вброд будет можно раньше, когда спадет вода в реке.

— И как мы переберемся вброд?! — заклокотала мадам Кланду, — Мой муж стар и слаб здоровьем, а мы с дочерью не полезем в воду!

— Значит, вам придется подождать, пока наладят переправу, мадам! Или можете вернуться восвояси. Впрочем, не уверен, что дорога в Бельфонтэн не пострадала.

— Стало быть, мы заперты в этом медвежьем углу на несколько дней? Непостижимо! — старая мадам закатила глаза и притопнула ногой.

— Все будет хорошо, дорогая, — мсье Кланду мягко взял жену под руку и повел к лестнице. Мадемуазель Мари, поколебавшись секунду, последовала за родителями. Андре с досадой глядел им вслед: разговор со старым нотариусом придется отложить до завтра. Впрочем, деваться теперь им было некуда. Этой мыслью доктор успокоил себя и заметил:

— Мальчик может быть ранен. Пожалуй, я осмотрю его.

— Как хотите, — равнодушно ответил Пьер, возвращаясь за стол Греньи.

Андре прошел на кухню. Она оказалась просторной и жарко натопленной. Над гаснущим очагом висел котелок с кипящей водой. Посередине стоял огромный деревянный стол, на котором готовила Элен. Под потолком, подвешенное на крючьях и веревках, в жарком воздухе вялилось мясо.

Жако сидел у печи на шатком табурете. Заметив доктора, он втянул голову в плечи и вытаращил на него огромные голубые глаза. Элен успела умыть сына и переодеть в сухое. Андре понял, что не ошибся: по виску мальчика стекала кровь. Трактирщица хлопотала возле стола, разрезая чистую ткань для бинта.

— Я могу помочь?

— Ах, доктор! Ничего страшного, я справлюсь сама. Он здорово напугался из-за моста, но рана совсем пустячная.

Эрмите наклонился над мальчиком, чтобы осмотреть его висок получше. Мягкие светлые волосы быстро высохли от печного жара и закрыли рану. Доктор осторожно отодвинул их: рана и вправду оказалась пустячной.

Элен налила в чашу горячей воды и бросила туда несколько стеблей высушенных трав, которые достала из бесчисленных карманов юбки. Андре не без удовольствия наблюдал за этими манипуляциями.

— А вы заткнете за пояс иного врача, — заметил он.

— Да будет вам! — рассмеялась женщина, — Любая мать справится не хуже.

— Травы явно выбраны со знанием дела, — доктор наклонился над чашей и принюхался, — Вы ухаживали за ранеными?

— Совсем недолго, еще до замужества. А девочкой прислуживала в доме у аптекаря — да, кое-что мне о целительстве известно.

— Что ж, ваш мальчик в надежных руках, — улыбнулся Эрмите.

Он поклонился смущенной трактирщице и вернулся в зал. Припозднившиеся едоки молча склонились над тарелками. Доктор последовал их примеру. Он расправился с остатками кролика и не спеша

допивал вино. Идти в номер не хотелось: внизу было тепло и уютно, а в его каморке только непроглядная тьма и мертвые клопы.

Потягивая вино, доктор рассеянно оглядывал зал и встретился глазами с молодым дворянином. Тот неожиданно улыбнулся и жестом пригласил Андре к своему столу.

— Рад видеть знакомое лицо, — сказал он, когда гость уселся, — Честно говоря, я не сразу узнал вас в этой суматохе. Что ж, теперь мы все застряли здесь, а компании приятнее и не придумаешь.

— Полностью разделяю вашу радость, — с улыбкой ответил Эрмите.

Шевалье он практически не знал. В городе они встречались не раз, но не интересовались друг другом. Насколько доктору было известно, молодой дворянин пару лет назад приехал в северную провинцию из Парижа после какого-то скандала. Он коротал вечера за картами и вином, волочась за местными девицами. Доктор же избегал сомнительных заведений, поскольку заботился о своей репутации в Бельфонтэне. Признаться, ему там нравилось, очень нравилось. Только этот бессмысленный скандал смог заставить Андре вновь отправиться в путь.

Де Мире между тем изучал дружелюбие. Видимо, одиночество было ему в тягость. Шевалье предложил доктору продолжить ужин в его номере, где найдется колода карт и еще полбочонка отличного вина. Тот с удовольствием согласился.

Решив не беспокоить хозяйку, они сами собрали остатки богатой трапезы на одно большое блюдо. Господин Греньи в это время покончил с ужином, заглянул в опустевший кубок и велел трактирщику принести еще выпивки.

— Нужно как-то скоротать вечер. Лу, убирайся, — сказал он охраннику. Тот молча встал и затопал к лестнице. Открыв крошечную дверь, слуга шагнул в темноту. По расчетам доктора, каморка под лестницей была даже меньше его собственной. Такой великан мог там уместиться разве что свернувшись в клубок. Эрмите дивился скупости купца, который пожалел пары медяков на приличный ночлег для слуги. Поднимаясь следом за шевалье, он старался аккуратнее шагать по ступеням.

Комната дворянина на самом деле оказалась роскошной. Здесь было целых два окна, ярко горели свечи, а на большой кровати лежала

настоящая перина с чистым бельем. Кроме того, по дальней стене проходил каминный дымоход, от которого веяло теплом. Доктор присел к столу возле окна и не без содрогания вспомнил свою каморку.

— К сожалению, я не смогу ответить на ваше гостеприимство и пригласить к себе: боюсь, вы меня стесните.

— Ха! — воскликнул шевалье, разливая по кубкам вино, — Я имел удовольствие видеть ваш будуар. Что ж, вам повезло больше, чем слуге этого нувориша.

— Не стану спорить; после целого дня пути эта комната показалась мне дворцом.

— Понимаю. Я вчера тоже свалился без задних ног, а ведь приехал верхом. И погода была что надо.

— Всегда завидовал хорошим наездникам, — вполне искренне сказал доктор, — Увы, я совершенно не в ладах с лошадьми и приходится путешествовать пешком.

— Напрасно, напрасно: леса полны опасностей, — заметил де Мире, — Впрочем, мои способности в верховой езде тоже весьма ограничены. Если бы дело обстояло иначе, я уехал бы еще утром.

— Вы правильно поступили, решив задержаться. Дорога просто ужасна, да и путешествия под дождем опасны для здоровья.

— Увы, из-за этой глупой осторожности я застрял здесь черт знает на сколько. И не только я... Впрочем, не будем грустить. Совсем забыл: мы же хотели сыграть! — воскликнул дворянин. Он вскочил, подбежал к кровати и достал из-под подушки колоду карт, — Всегда держу их здесь. Моя матушка говорила, это приносит удачу.

— Мне кажется, люди часто преувеличивают значимость этой самой удачи, — улыбнулся доктор.

— Не соглашусь, — покачал головой шевалье. Он вернулся на место и принялся раздавать карты, — везение очень важно. Взять мою семью... Брат родился первым. Сейчас он граф, живет в родовом замке и владеет землями. Уважаемый и влиятельный господин. Мне же не посчастливилось появиться на свет годом раньше... Наружностью, умом и прочими доблестями я ничем не уступаю брату. Разница только в том, что его удача любит, а меня — увы.

— Законы наследования не слишком справедливы, — согласился Эрмите, — однако же вы хорошо образованы, вполне обеспечены и, думается мне, происхождение откроет вам многие двери.

— А! — досадливо отмахнулся де Мире, — Учился я плохо, всегда был ленив. После смерти матушки пришлось затянуть пояс, поскольку брат не желает оплачивать мои расходы. Это он потребовал моего отъезда в провинцию — в столице, видите ли, я обходился слишком дорого. Фактически у меня два пути: монастырь или женитьба на наследнице какого-нибудь купчишки.

— Последний вариант выглядит не так плохо...

— Вы много знаете приличных девиц из этого сословия? Мне попадались только дуры набитые и толстухи одна к одной.

Доктор украдкой посмотрел на костлявые ноги дворянина и мысленно признал, что в его желании найти невесту постройнее есть резон.

— Почему тогда не посмотреть в сторону горожанок? Среди них есть вполне образованные и обеспеченные девушки, да и общество не самое худшее.

— В городах живется не так плохо, — признал шевалье, — только здесь я вроде циркового уродца... Все хотят рассмотреть его поближе, но кому такой дома нужен?

Вино явно ударило шевалье в голову, и ситуация становилась неловкой. Эрмите опасался, что назавтра молодому дворянину будет неприятна его компания. Еще неделю оплачивать номер было нечем, а если у кого-то здесь можно ссудить пару монет, то только у де Мире.

Пауза затягивалась. Он раздумывал, как бы сменить тему, но собеседник пришел на выручку:

— Между прочим, доктор, чего это вас понесло в дорогу? Сами ведь говорите, что такие путешествия опасны для здоровья.

— Обстоятельства сложились не в мою пользу, шевалье. Видите ли, мой пациент из Бельфонтена неожиданно пошел на поправку, и я потерял работу.

— Нелегкая же у вас работа!

— С этим не поспоришь.

— А нельзя было замедлить выздоровление вашего пациента?

— Иногда медицина бессильна.

Шевалье расхохотался, и разговор вернулся в непринужденное русло. Мужчины просидели за картами около часа, когда доктор решил откланяться.

— Да будет вам, еще совсем рано! — уговаривал его де Мире.

— Я привык рано ложиться, к тому же устал с дороги. Буду рад составить вам компанию в любое время.

— Сколько церемоний! — шевалье поднялся и, пошатываясь, побрел к двери, — Я провожу вас, все равно хочу освежиться.

— Мне бы это тоже не помешало: вино совсем затуманило голову. Надеюсь, мы не сломаем шеи на этой кошмарной лестнице.

— Нет-нет. Кое-что в этой гостинице устроено чертовски разумно, — ухмыльнулся дворянин.

Мужчины осторожно пробрались по темному коридору. В номерах было тихо, только снизу доносилось пьяные голоса трактирщика и купца. Шевалье остановился, пошарил рукой по стене и распахнул невидимую дверь.

Ночь обдала доктора холодом и дождем. Они вышли на лестницу, прилепившуюся к задней стене гостиницы. Внизу шумела река, от ветра раскачивались деревья. Над горами стояла луна; несущиеся по небу тучи то открывали, то закрывали ее. Капли барабанили по черепице крыши и стекали ледяными ручейками на голову. Лучше места, чтобы освежиться, было не придумать.

Шевалье прикрыл дверь и встал на краю верхней площадки лестницы, расшнуровывая гульфик. Доктор в нерешительности топтался сзади.

— Если вам по серьезному делу, то это туда, — сказал дворянин и махнул рукой вниз. Там, почти на краю обрыва, стоял покосившийся нужник.

— К счастью, нет, — ответил Андре, — но я подожду, пока вы закончите. При таком ветре лучше действовать поодиночке.

— Черт меня подери! Вы рассудительны даже когда нужду справляете!

Шевалье закончил свои дела и вернулся в дом. Доктор, оправившись, последовал за ним. Коридор был пуст. Он отпер дверь своей каморки, вошел внутрь и улегся на тюфяк. В комнате приятно пахло травами, а после уличного душа казалось вполне тепло.

Мало-помалу Андре погружался в сон. Пьяные голоса и хохот доносились иногда с первого этажа, становясь все дальше и тише. Он провалился в глубокий тяжелый сон. Когда снизу раздался крик, доктор не сразу проснулся. А пока глаза привыкли к темноте, женщина успела крикнуть еще три или четыре раза.

Глава 3

Пошатываясь, доктор встал, вышел в коридор и спустился на первый этаж. Испуганная Элен стояла посреди зала, прижав ладони к лицу. Отставной солдат молча возвышался рядом с ней. Хозяин постоялого двора хлопотал возле стола, за которым сидел, уронив голову на руки, старый купец. В первую секунду Эрмите не понял, что произошло. Подойдя ближе, он увидел кровь на седом затылке. Купец не спал.

— Господин доктор! Сделайте что-нибудь! Помогите! — трактирщик подбежал к Андре, схватил его за руку и потащил к столу, за которым сидел покойник.

Доктор нехотя потрогал запястье господина Греньи. Рука старика была сухой, безжизненной и совершенно холодной. Седые редкие волосы на затылке слиплись от засохшей крови. Без всяких сомнений, купец был мертв. Точнее, убит несколько часов тому назад.

— К сожалению, ничего уже нельзя сделать, — доктор выпрямился и обратился к Пьеру, — Вы должны уведомить власти об убийстве господина Греньи.

— Но как это могло случиться?! — подала голос Элен.

— Очевидно, кто-то подошел к нему сзади и ударил по голове.

— Но кто? Гостиница заперта изнутри, ворота на замке... Ночью здесь были только мы и постояльцы.

— Значит, убийца один из нас, — неохотно признал Эрмите.

В зал спускались другие постояльцы. Первой шла неугомонная мадам Кланду, за ней старый мсье и мадемуазель. Последним, пошатываясь, брел шевалье.

— Что происходит? — возмущалась мадам, — Мы всю ночь ворочались на ваших гнилых тюфяках, теперь еще и крики ни свет, ни

заря! Так вы созываете гостей к завтраку? В приличных местах предпочитают стук в дверь.

— Простите меня, мадам, — отозвалась Элен, — несчастный господин Греньи мертв. Я нашла его и с перепугу подняла крик.

— О, Боже, кровь! — мадам подошла к столу, сверля глазами покойника, — У кого только рука поднялась на старика?

Другие постояльцы хранили растерянное молчание. Особой печали, впрочем, не выражало ни одно из лиц. Тишину нарушили глухие удары по дереву, доносившиеся из каморки под лестницей. Через секунду дверь поддалась, и оттуда вывалился заспанный Лу.

— Идиот! — схватился за голову трактирщик, — Решил меня вконец разорить?! На кой двери-то ломать?

Детина топтался на месте и молчал. Если он и удивился происходящему, то не показал этого. Рядом с мертвым хозяином Лу сохранял столь же безразличный вид, как при его жизни.

— Кто же его запер там? — удивилась мадам.

— Да ты сам и запер! — упрекнула мужа Элен, — Забыл, небось, что лакей под лестницей ночует!

— Было дело. Чини вот теперь... — пробормотал трактирщик, — Как же нам оповестить власти? До Сен-Клод не добраться еще несколько дней. Пока отнесем покойника в кухонный погреб.

— Нельзя просто так взять и убрать место преступления, — заметил Андре, — Следователь наверняка сочтет, что мы пытались скрыть виновного. Мы все здесь под подозрением и действовать нужно с предельной осторожностью.

— Вам-то наверняка приходилось бывать под следствием? — ехидно поинтересовалась старая мадам.

Доктор сдержанно ответил:

— Приходилось участвовать в нем в качестве врача.

— Так что же вы предлагаете — оставить труп посреди моей гостиницы?! — поинтересовался трактирщик.

— А вы предпочитаете закончить свои дни на виселице, мсье?

— Вы правы, доктор, — вмешался молодой шевалье, — Я не готов мириться с таким пятном на репутации до конца жизни. Коль скоро мы

застряли здесь, расследование необходимо провести собственными силами. Полагаю, лучше всего будет, если этим займетесь вы.

Эти слова удивили всех присутствующих и в первую очередь — доктора. Поясняя мадам Кланду собственную осведомленность в следственном деле, он порядочно слукавил. Она была куда ближе к истине, чем хотелось бы.

— Благодарю за доверие. Постараюсь сделать все, что в моих силах, — Андре старался выглядеть уверенным. Это была возможность обеспечить себе кров и пищу на ближайшее время. В его бедственном положении не стоило упускать такой случай.

— Расспросите каждого, обыщите место преступления и запишите все, как требуется. Постараемся вести себя разумно, дамы и господа, — обратился де Мире к присутствующим, — Отвечайте на любые вопросы доктора и предоставьте ему все необходимое для расследования.

Непривычная роль представителя высшего сословия окончательно измотала шеваляе. Он попросил Элен принести холодного питья, после чего побрел к себе. Мадам Кланду заявила, что в этой гостинице точно сойдет с ума. Она взяла под руку дочь и тоже удалилась наверх.

— Мне понадобятся чернила, бумага, а также вода, чтобы вымыть руки после осмотра тела — обратился Андре к трактирщику, — Потом его можно будет унести.

— Сейчас все будет. Сходи к колодцу, — сказал Пьер отставному солдату.

Тот молча повернулся и направился в кухню следом за Элен. Трактирщик исчез под своим прилавком в поисках писчих принадлежностей. Вскоре Жоффруа с парой пустых ведер отворил входную дверь и вышел во двор. Мсье Кланду стоял рядом с покойником, внимательно рассматривая его.

— Полагаете, он успел заметить нападавшего? — обратился старик к Андре.

Тот пожал плечами и склонился над телом. Господин Греньи сидел спиной к погасшему камину, завалившись на стол. Со стороны могло показаться, что он просто заснул, хватив лишнего. Доктор внимательно осмотрел голову. Рана была неглубокой, кожа едва рассечена. Ощупав

затылок покойника, доктор понял, что кости черепа проломлены. Очевидно, смерть была мгновенной. Эрмите сказал старому нотариусу:

— Купец был пьян, в зале ночью наверняка темно... Он вполне мог не заметить убийцу, если тот действовал тихо.

— А к чему ему шуметь, — задумчиво пробормотал Кланду. Прихрамывая, он подошел к двери и выглянул, — Совсем рассвело. А грязи-то, грязи!.. Лу вы не поможете мне добраться до уборной за домом?

Слуга посмотрел на старика, на доктора, снова на старика — и подчинился. Как всегда, молча. Эрмите начинал сомневаться в умственных способностях великана. Трактирщик принес самую дешевую бумагу и пузырек чернил, а после скрылся на кухне. В одиночестве доктор продолжил осмотр тела.

На купце была та же одежда, что и накануне вечером: темно-зеленая накидка на лисьем меху, под ней алый камзол и добротные шерстяные трико. На ногах сапоги для верховой езды из мягкой кожи. К поясу пристегнута связка ключей, Андре осторожно снял ее. В карманах нашлось несколько монет серебром, которые он также изъяс, спрятав для надежности за пазуху. Деньги сейчас были очень кстати.

Жоффруа принес воду. Когда слуга и мсье Кланду вернулись в зал, доктор мыл руки, а Элен поливала ему из кувшина. Солдат разжигал камин. Старый нотариус поблагодарил Лу, и великан коротко кивнул в ответ. Старик с усилием подвинул стул к очагу и уселся. Пламя потихоньку разгоралось. Андре подошел и протянул руки к огню.

— Удалось что-нибудь выяснить?

— Почти ничего. Купец не выходил во двор: одежда и обувь сухие.

— Так дождь ведь ночью перестал, — заметил Кланду.

— Разве? Я выходил около полуночи, лило как из ведра.

— Вы застали самый конец ливня. Я слышал, как вы вернулись в номер. Через полчаса-час снаружи все стихло.

— А внутри? То есть в зале?

— В зале тоже, — вмешался подошедший трактирщик. — Мы с господином Греньи припозднились, я ушел первым. Перед сном вышел запереть ворота — дождь прекратился.

— А потом?

— Я ушел спать. А он сказал, что останется, пока не закончится вино.

Эрмите внимательно осмотрел стол. Перед покойником стоял пустой винный кувшин и две кружки. На донышках — ни капли. Похоже, старик справился с поставленной задачей.

— Здесь я закончил. Тело можно унести. Сегодня мне нужно опросить всех присутствующих в гостинице.

Трактирщик кивнул солдату. Жоффруа вышел и минуту спустя вернулся со старой простыней в руках. Без особого почтения он завернул в импровизированный саван тело, легко закинул его на плечо и скрылся на кухне. Появилась Элен, чтобы убрать со стола. Андре попросил ее принести немного сидра. Он уселся на облюбованное вчера место и начал записывать все, что удалось выяснить при осмотре тела.

Лу слонялся по залу, рассматривая мебель. Слуге явно было не по себе в отсутствие хозяина. Доктор поглядывал на него. Великан наводил ужас своим обликом, но эта неприкаянность вызывала сочувствие. Благодаря рассеянности трактирщика он оказался единственным из присутствующих вне подозрений... Не считая самого доктора, если только он не начал страдать лунатизмом.

Элен принесла сидр, когда Андре заканчивал записи. Он попросил у нее второй стакан и пригласил Лу присоединиться. Великан опустился на стул, подобрав ноги под сиденье. Доктор наполнил стаканы, украдкой поглядывая на слугу: способен ли он что-то рассказать?

— У вас крепкий сон?

— Не жалуюсь, мсье.

Высокий несуразный голос гиганта изумил доктора. Мсье Кланду, до сих пор неподвижно сидевший у камина, оглянулся и с интересом посмотрел на Лу. Эрмите продолжил расспросы:

— Может быть, довелось ночью услышать что-нибудь?

— Неа.

— Совсем ничего?

— Не. Я плохо просыпаюсь, вечно от хозяина по шапке за это получал.

— Очень жаль. Вы могли бы здорово помочь делу.

— Мне самому жалко, — согласился слуга.

— Вы были привязаны к хозяину?

— Зачем привязан? Я ж не собака.

— Я имею в виду: вы расстроены его гибелью?

— Ну да. Где теперь работу искать? И денег ни шиша. Придется к матери идти, а ей и так с тремя непросто.

— А вы долго служили у Греньи?

— Года три как.

— И ничего не скопили из жалованья?

— Ему пожалуйста попробуй, — протянул Лу, — сразу по шапке.

— Значит, характер у хозяина был скверный? Должно быть, и враги имелись?

— Хватало, мне думается. Да вон тот же Пьер, — сипло шепнул он, — Вчера слышали, как они сцепились? Недаром-то он меня под лестницей запер.

— Это мы проверим обязательно... А что насчет других постояльцев? — доктор тоже понизил голос. Он знал, что Кланду тут на ухо, но в отношении трактирщика, который вернулся за свой прилавок, не был в этом уверен. Слуга доверительно наклонился к Андре через стол и кивнул:

— Молодой хлыщ! Мы вчера как приехали, так они все утро в комнате и просидели. А потом хозяин ему золота выдал полный кошель.

— Вот это очень интересно! Какие же дела они могли вести?

— А кто их знает... Я вещи наверх отнес, а потом Гнедого чистил.

— Кого?

— Коня моего, значит. Одуванчик-то умеет не мараться, а он весь в репьях — перед мостом меня скинул, а сам в кусты.

— Какой одуванчик?

— Да это ж хозяйская лошадка, — рассмеялся Лу.

— Не соскучишься с вами. Стало быть, вы приехали вчера утром?

— Ага. На рассвете снарядились — как раз к завтраку успели.

— Хозяин еще с кем-нибудь разговаривал?

— Не. Они, значит, в номере сидели, потом старик за деньгами сходил, потом завтракали внизу, — вспоминал слуга, — а потом мне сказал одежду чистить, а сам увалился спать до ужина.

— Так деньги у него не с собой были?

— С собой, как же. Потом в сундуке.

— Это как?

— Мы их в сумках привезли, — пояснил Лу, — а потом в сундук переложили.

— В какой сундук?

— Который в сарае.

— А сарай?

— А там, — кивнул Лу в сторону выхода, — налево сразу.

— Почему Греньи держал деньги в сарае?

— Да разбойников боялся! Вот и возил понемногу, а держал тут.

— Что ж, в гостиничном сарае так безопасно?

— А никто ж не знал! Ну, только я да трактирщик. Сумки у нас неказистые — не подумаешь, что золото там... А ключ от замка только у хозяина был.

— Ключи у меня: позже проверим, все ли на месте. Значит, вы часто здесь бывали?

— За месяц раза по три, а то и чаще.

— Можете припомнить: ваш хозяин ссужал деньги другим незнакомцам?

— Да постоянно! За этим и ездил сюда. Ну, еще в трактир продукты возил, и с сыном тут встречался.

— У него есть сын?

— Молодой хозяин, ага. Я его и не знаю, считайте. Он добрый, только в Сен-Клоде почти не бывал, заправлял делами в Бельфонтэне.

— Я пару раз заходил в лавку Греньи. Там служит молодой человек, довольно высокий и приятный на вид — неужели это родной сын купца?

— Он самый!

— Поди пойми эти законы наследственности, — пробормотал доктор.

Слуга кивнул:

— Других наследников там нету. Один сын... Мсье, — он с тревогой посмотрел на доктора, — а вы скажите трактирщику, чтобы Гнедого не трогал!

— А зачем ему трогать Гнедого?

— Да он, дурак, вчера чуть стойло не разнес. Трактирщик старому хозяину не перечил, а теперь, боюсь, заберет его да и на мясо пустит.

— Не станет он забирать чужую лошадь, не волнуйтесь!

— За Одуванчика-то я не боюсь, она дорогушая — не посмеет. А вот Гнедого может. Хозяин номер бесплатно занимал, а мне рассчитывать нечем. Вы скажите ему!

— Скажу, — после паузы пообещал доктор, — Прямо сейчас и скажу, — добавил он, увидев, как хмурый Жоффруа в сопровождении Жако направился к выходу. Если Пьер и в самом деле замыслил недоброе, лучше не медлить.

Трактирщик за прилавком жевал лепешку, запивая сидром из мутного стакана. Он недобро покосился на доктора, когда тот подошел и заговорил:

— Слуга переживает о своем коне. Как я понимаю, после господина Греньи остались долги?

— Он мне сроду не платил за стол и постель. Только теперь я не намерен давать этому увальню бесплатную крышу над головой и задаром кормить лошадей.

— Собираетесь уморить их голодом?

— Я дурак, по-вашему? Думаю, молодой Греньи рассчитается со мной при первой возможности. Но этот полудурок-слуга ему вряд ли сдался, да и его кляча немногого стоит.

— Надеюсь, вы не затеваете ничего противозаконного, Пьер?

— Это вы о чем? — трактирщик вытаращился на доктора.

— Например, присвоить чужое имущество. Неважно, что эта кляча стоит всего ничего — кража остается кражей.

— Какая это кража?! Я просто беру свое. Купцова лошадь жрет по две меры овса за день: все по справедливости!

— Уверен, молодой Греньи с вами не согласится, как и любой судья. Вместо положенного расчета вы получите несколько лет каторги, — отчетливо произнес доктор.

Трактирщик побледнел и отложил свой завтрак. С каждым словом Андре он медленно вытягивался по стойке смирно.

— Вижу, вы все поняли. Обе лошади останутся в неприкосновенности. Что касается Лу, я беру его в услужение до конца следствия. Ведь вашими стараниями он единственный в этой гостинице освобожден от малейших подозрений. Об этом мы позже отдельно поговорим, а пока будьте любезны, позаботьтесь о достойном завтраке для меня и моего слуги.

Пьер поспешно кивнул. Эрмите вернулся к столу и сказал Лу, что за Гнедого можно не опасаться. Великан пришел в восторг. Он выразил

желание немедленно отправиться в конюшню и убедиться, что лошади в порядке.

— Почему нет, — согласился доктор, — Мне все равно нужно допросить Жоффруа.

На дворе стояла ясная погода. Просто не верилось, что прошлой ночью лило как из ведра. По-осеннему холодное солнце светило вовсю, но грязь не спешила сохнуть. Доктор обратился к Лу:

— Мои сапоги где-то на кухне. Вы могли бы...

— Да я сам вас мигом, как старого мсье... — с этими словами слуга подхватил Андре на руки и весело зашагал по лужам, не прекращая болтать, — Спасибо вам за Гнедого! Я за лошадками сам буду ухаживать, пока все решится. И в гостинице могу служить, если надо. Даже на конюшне спать буду!

— В гостинице есть, кому прислуживать, — сказал доктор, оказавшись на твердой земле, — Пока держитесь рядом со мной: при поимке убийцы ваша сила может понадобиться.

— А вы его поймаете? — гигант широко раскрыл глаза.

— Уж постараюсь, — буркнул Андре, заходя в конюшню.

Жоффруа поил лошадей, рассказывая мальчишке какую-то солдатскую байку. Жако слушал как завороченный. Заметив доктора, он насупил и спрятался за своим старшим приятелем. Тот тоже глядел хмуро, но казался спокойным.

В стойлах доктор увидел четырех лошадей: две холеные ездовые, одна — из экипажа Кланду, а последним был коротконогий, нелепого вида конь. Именно к нему бросился Лу и принялся что-то рассказывать ласковым шепотом. Конь внимательно слушал и, как показалось Андре, даже кивал в ответ.

— Нам нужно поговорить о событиях прошлой ночи, — обратился доктор к Жоффруа. Тот коротко кивнул.

— Вы ночевали на кухне?

— Да. Я там сплю на полу, если все номера занимают. Обычно живу в комнате для слуг.

— В самом деле? А мне она показалась необитаемой.

— Все мои вещи в сумке, а там я только спал и ничего трогал.

— Ночью вы покидали кухню?

— Нет. Вечером чистил там вещи постояльцев, потом прилет.

— Это кто-нибудь может подтвердить?

— Пьер тоже ночевал на кухне.

— Почему же он не пошел в спальню?

— Элен вчера тревожилась за Жако и уложила его на кровати, а сама дремала на стуле. Пьер решил их не тревожить.

— Когда он пришел на кухню, Греньи был жив?

— Конечно, еще петь пытался.

— А после этого слышали что-нибудь?

— Нет, мы с сержантом поговорили с часок, потом уснули. Сплю я крепко.

— Вы давно здесь живете?

— С месяц.

— С погибшим Греньи вы были знакомы?

— Видел тут старика несколько раз и все.

— А с хозяевами, насколько мне известно, вы давно дружны...

— Пьер был моим сержантом, Элен торговала в полку всякой мелочью. Лет пятнадцать их не видел. Когда получил отставку, направился сюда: знал, что у них тут гостиница. Подумал, может, какой работой разживусь...

— И чем вы тут занимаетесь?

— За лошадьми ухаживаю, воду и дрова таскаю... Всякое по мелочи.

— Он здорово дрова рубит! — вмешался Жако, — Так топором машет, что ух!

Солдат с усмешкой посмотрел на мальчика и потрепал его по затылку.

— На службе этому быстро учат, — сказал он, — а в мирной жизни от таких умений толку мало.

Когда доктор и Лу вернулись в обеденный зал, Элен заканчивала уборку. Она уже вымела полы и начисто вытерла каждый стол. Андре вернулся на свое место и попросил хозяйку уделить ему несколько минут. Вытирая руки о фартук, она присела на красшек скамьи.

— Ох, господин доктор, я вся извелась! Только о несчастном господине Греньи и думаю. Надо же было такому случиться — ведь к нам теперь и вовсе ездить перестанут!

— А то к вам раньше ездили... — пробормотал Лу.

— Придержи язык, мальчишка! — возмутилась Элен, — Держать гостиницу — это тебе не кулаками махать. Иной раз с ног валишься от усталости, а все равно изволь улыбаться и угождать каждому болвану.

Слуга привык к дурному обращению, однако гнев красавицы здорово смутил его. Пробормотав что-то, великан вышел на улицу.

— Думаю, Лу все понял, мадам. Очевидно, что гостиница жива только вашими стараниями.

— Глупо женщине хвалиться тяжелой работой, мсье, но так и есть. С таким бирюком, как Пьер, стараться приходится того больше... Кручусь с утра до ночи. Мой муженек допоздна распивает вино, а я встаю спозаранку и нахожу его мертвого собутыльника.

— Именно об этом событии нам и нужно поговорить. Расскажите в подробностях, как вы нашли господина Греньи?

— На рассвете я зашла в зал прибраться и увидела его. Сначала подумала, что старик просто уснул, хватив лишнего, а потом разглядела кровь... О, это было ужасно. До сих пор стыдно за тот переполох. Я закричала от неожиданности, а потом просто не могла остановиться.

— Любой бы растерялся на вашем месте. Ни к чему себя винить, мадам. Вы давно знали покойного?

— Он вел дела с Пьером много лет. Думаю, Жако был совсем малышом, когда я впервые увидела господина Греньи.

— О каких именно делах идет речь?

— Старик поставлял нам продукты, мсье.

— Насколько я знаю, он также проводил здесь деловые встречи, о которых не должны были знать в городе...

— Да, мсье. Но об этом мне почти ничего не известно. Его приятели у нас не задерживались. Пьер сможет рассказать об этом побольше.

— Хорошо, я спрошу его... Прошлую ночь вы провели в собственной комнате?

— Да, мсье. То есть сначала я умыла и успокоила Жако, потом он уснул. Ужин закончился, и в зале я была не нужна. Так что я прибралась на кухне и пристроилась подремать на стуле. Видите ли, у сына часто бывают кошмары, а там и до болезни недалеко, — пояснила Элен.

— Насколько я понимаю, Жако нужно больше внимания, чем другим ребятам его возраста?

— Да, мой бедный мальчик немного не в себе, — слабо улыбнулась трактирщица, — Он часто воображает такие вещи, которые нам с вами не пришли бы в голову.

— И давно с ним так?

— Давно, мсье. Жако был очень славным и смышленным малышом, но не раз попадал Пьеру под пьяную руку. Думаю, с этого все и началось. Наверное, лет пять ему было, когда я поняла, что он не обычный ребенок...

— Мне очень жаль, мадам... Значит, вы провели ночь вместе с сыном. Ваш муж заходил в спальню?

— Да, он ввалился среди ночи, чтобы взять одеяло, но спать ушел на кухню. Думаю, просто не хотел поднимать шум.

— Едва ли из вашей спальни слышно, что творится в зале?

— Совсем ничего, она ведь за кухней.

— Тогда последний вопрос: вы можете сказать, кто из присутствующих мог желать смерти господина Греньи?

— Да как можно о таком спрашивать?! — изумилась Элен, — О наших постояльцах ничего не могу сказать. Впрочем, с молодым господином купец разговаривал вчера утром. Сама я едва была знакома со стариком, Жоффруа его совсем не знал. Пьер никогда не был дружен с господином Греньи, но поверить, чтобы он мог...

Женщина замолчала, качая головой. Андре поблагодарил и отпустил ее, после чего вернулся к заполнению протокола. Лу, незаметно наблюдавший за ними через приоткрытую дверь, вернулся в зал и уселся напротив. Доктор с улыбкой заметил:

— Никогда не говорите женщине, что ее дом недостаточно уютен. И упаси вас бог ругать ее стряпню.

— Ну а чего она так? Будто неправду сказал: самое глухое место. Кабы не старик, они б давно по миру пошли.

Элен появилась в дверях кухни и прошествовала к выходу с корзинкой в руках. Андре проводил ее взглядом.

— К такой хозяйке должны бы ездить из обоих городов только ради того, чтобы на нее посмотреть... — предположил он.

— Наверно, — равнодушно сказал Лу.

— Может быть, ее муж постояльцев распугивает? Не слишком-то он любезен.

— Не то слово! Тут на несколько лье вокруг ночлега не найти, вот он и обнаглел.

— А Греньи не проявлял к трактирщице интереса?

— Неа. И чего в ней интересного? Готовит только вкусно. А рот раскроет — сразу видать, что злюка.

— Мне она слова грубого не сказала. Надо уметь обращаться с женщинами, Лу.

— А на кой они нужны? Только и знают, что дразниться, — надулся слуга.

— Так что с того? Вернетесь вот в свою деревню к матери, да и женитесь. А жена дразниться не будет.

— Не, это никогда, — протянул Лу, — Ну, может, потом. Рано еще.

— Рано? Сколько же вам лет?

— Шестнадцатый пошел, думаю.

Доктор от удивления выронил перо.

— Но в этом случае Греньи вас нанял совсем мальчишкой! И вы уже были таким... рослым?

— Поменьше, конечно.

— Каким же ты... вы будете еще лет через пять!

— Если дела так и дальше пойдут, буду на туаз-другой^[4] ниже земли, — невесело усмехнулся юный великан.

Доктор продолжил писать. Он боялся упустить какую-нибудь важную деталь, которая могла бы дать ключ к разгадке преступления. Конечно, удобнее было бы делать пометки прямо во время допроса, но в этом случае он рисковал упустить момент, когда преступник либо свидетель начнут лгать и выдадут себя. Работа следователя оказалась не из легких.

Трактирщик поглядывал на доктора из-за прилавка. Он был последним, кто видел Греньи. Вполне мог тихонько встать посреди ночи и прикончить старика. Впрочем, это мог сделать и солдат, хотя мотива для убийства у него как будто нет.

Андре дождался, пока высохнут чернила, свернул бумагу и спрятал свиток за пазуху. Оставив Лу за столом, он подошел к трактирщику. Пьер неважно выглядел после вечерних возлияний: глаза запали, черные с

просесть волосы всклокочены и длинными космами свисают на отекавшее лицо. Трактирщик заметно нервничал и первым начал разговор:

— Буду с вами честен: врать мне ни к чему. С Греньи мы не дружили, а вчера вовсе столкнулись лбами. Знаю, как это выглядит. Но клянусь, мсье, мы потом все уладили и остаток вечера провели мирно.

— А о чем, собственно, шла речь?

— Старый скряга собрался поднять цены! Он мой единственный поставщик провианта и других товаров! Я и так еле концы с концами сводил.

— Понимаю. И как же вам удалось все уладить?

— Мне пришлось согласиться на его условия: Греньи не оставил мне выбора. Я принял новые цены, но про себя решил, что до конца зимы найду других поставщиков.

— Должно быть, это решение сильно ударило бы по вашему кошельку?

— Только в ближайшие месяцы, мсье. Купец бесплатно занимал свой номер благодаря нашим связям. Ему бы все равно пришлось частенько здесь останавливаться, но уже за деньги. И за сарай бы пришлось платить.

Элен вернулась со двора, неся полную корзинку свежих яиц. Доктор машинально поинтересовался:

— Скоро будем завтракать?

— Да, мсье! Через полчаса все будет готово, — улыбнулась ему трактирщица, исчезая на кухне. Андре вернулся к допросу:

— Что за сарай?

— Да постройка справа от гостиницы. Там старик устроил что-то вроде личного склада.

— Для чего?

— Его комната не так просторна, да и таскать туда-сюда дорожные сундуки неудобно. Иногда он там хранил товары, которые вез в лавку к сыну в Бельфонтэн.

— И немало наличности, насколько мне известно.

— А этот верзила не так прост! — покосился трактирщик на Лу.

— Он рассказал немало интересного, — кивнул доктор, — Позже я осмотрю это хранилище... Значит, вы рассчитывали, что Греньи предпочтет не терять столь подходящее место для своих тайных встреч?

— Стало быть, и об этом вам уже донесли... Да, я на это рассчитывал. Не знаю, какие дела вел старый жулик, только он готов был расстараться, чтобы скрыть их от посторонних глаз.

— Например, вчерашнюю встречу с вашим знатным постояльцем?

— И ее тоже. Этот дворянчик прибыл накануне и всех нас поставил на уши. За каким-то чертом он путешествует без слуги, а самостоятельно не может зад подтереть.

— Возможно, он так дорожит своим инкогнито?

— Не знаю, чем он там дорожит. По мне гол как сокол, хотя и требует себе самого лучшего. Первую ночь он занимал комнату для слуг.

— Ту самую, в которой живу я?

— Ага! А утром прибыл купец, заперся с этим франтом в своем номере на добрых два часа. Потом он, то есть шевалье, подходит ко мне, требует лучшую комнату и расплачивается золотом!

— Что же вас удивляет? Слуга сказал, что Греньи регулярно проводил здесь подобные встречи.

— Так и есть. Только обычно его приятели у нас не задерживались. Получат свое — и поминай как звали. А этот задержался вот, не странно ли?

— Вчера была не лучшая погода для конных или пеших прогулок, — буркнул доктор. Подозревать в чем-либо шевалье ему пока не хотелось. С какой стати преступнику затевать расследование и поручать его фактически первому встречному?

Жоффруа с мальчиком вернулись со двора и прошли на кухню. Вскоре солдат с чистыми вещами постояльцев направился наверх. Доктор припомнил свои заметки.

— Вернемся к событиям прошлой ночи. Чем вы занимались, когда постояльцы ушли наверх?

— Мы вместе с Греньи выпили с полбочонка вина. Не скажу, что мне это было в радость, ведь платить-то он не собирался.

— Что же произошло, когда с вином было покончено?

— Я сходил на двор проветриться, потом запер вход и пошел на кухню. Жоффруа еще не спал, и мы некоторое время разговаривали о том о сем. Я остался ночевать на кухне, а утром проснулся от визга Элен. До сих пор голова трещит!.. Вот и все, мсье.

Отставной солдат спустился по лестнице. Он уселся за свой обычный стол возле кухонной двери. Доктор понизил голос:

— Насколько мне известно, Жоффруа — ваш старый товарищ? Ведь он бесплатно живет в вашей гостинице.

— В армии он был под моим началом. Мы приятельствовали, но не более того. А в гостинице он выполняет самую тяжелую работу: рубит дрова, носит воду и прочее. Обычно мы нанимаем для этого какого-нибудь деревенского увальня. Так что дружба здесь ни при чем.

Жако выбежал из кухни и взлетел по лестнице наверх. Он затарабанил в двери, созывая постояльцев к завтраку. Элен вынесла для Жоффруа бутылку пива, после окликнула сына и вернулась на кухню.

— Думаю, мы закончили, — сказал Эрмите, — Я загляну в комнату господина Греньи, а потом опрошу других свидетелей.

— Хорошо, мсье.

Постояльцы спускались в зал и занимали свои прежние места. Лишь один стол пустовал, а его хозяин покоился внизу, среди винных бочек.

Глава 4

Номер купца был заперт. Доктор достал связку ключей, которые забрал с трупа, и обратился к слуге:

— Поможете мне разобраться, какой ключ от чего?

— Запросто! Этот вот, маленький, от сундучка дорожного, следующий — от сундука в сарае, это от дома, вот от лавки в Бельфонтэне, а вот от номера.

Доктор отпер дверь, и они вошли. Комната была довольно просторной: здесь уместилась широкая кровать с приличным тюфяком и даже перьевой подушкой. На столе перед окном стоял небольшой дорожный сундук. Выбрав самый маленький ключ, Андре открыл замочек. Внутри он увидел личные вещи купца и небольшую пачку писем, выведенных явно женской рукой. Почерк показался доктору знакомым, но вспомнить, откуда, он не смог. Ни одно из посланий не было подписано.

— Вы можете предположить, от кого эти письма, Лу?

— Не знаю, мсье. Только из-за них такой сыр-бор разгорелся в городе, что вспомнить жутко.

— Что же там случилось?

— Лакей молодого господина принес одно из них третьего дня, да и попался на глаза хозяину. Парня тут же выгнали взашей, а сыну старик устроил выволочку по первое число. Меня заставил комнату его обыскивать, вот остальные письма и нашлись. Так что вчера в дорогу не только мы собирались: господина Жильбера отец услап куда-то с двумя мордворотами.

— Под стражей, что ли?

— Ага! По нему-то видно было, что никуда ехать не хочет. Смурной весь...

— Что же вы молчали насчет отъезда наследника?

— Да боялся, что дело затянется. Пьер, если смекнет, что с ним нескоро рассчитаются, меня мигом вышвырнет — а что с Гнедым будет? Даже если тайком увести, кормить его нечем, не лето!

Доктор недовольно покачал головой и продолжил осмотр сундука. Там нашлось еще несколько золотых и серебряных монет, которые обязательно помогут следствию. Он незаметно опустил деньги в карман. В коридоре послышались шаги, и в приоткрытую дверь с любопытством заглянула Элен.

— Простите, мсье. Я несу завтрак для шеваляе, он неважно себя чувствует. Вам двоим я накрыла стол внизу, возле камина.

— Спасибо, мы уже спускаемся.

Трактирщица улыбнулась и прошла по коридору в комнату шеваляе. Доктор запер номер, отправил Лу вниз и направился в свой номер. На стуле рядом с дверью каморки лежали его чистые вещи. Он занес их внутрь и положил в сумку деньги, найденные у покойника.

Когда Андре спустился в зал, Лу уже сидел за столом и уплетал за обе щеки остатки вчерашнего жаркого. На сковородке дымилась яичница с салом, а в качестве десерта Элен принесла им по куску яблочного пирога. Доктор приступил к трапезе, одновременно стараясь собраться с мыслями.

На данный момент известно было немного: около полуночи старик остался один, он был жив. В течение последующего часа или двух кто-то прокрался в зал и ударил его по затылку. Пьер и Жоффруа утверждают, что не покидали кухни, а Элен едва ли пробралась бы мимо них незамеченной. Впрочем, утром ей это удалось, но каков в этом случае мотив? И вообще, если подумать хорошенько, любой мог управиться, если действовал тихо.

Андре хмуро жевал яичницу, поглядывая на окружающих. Если у хозяев и работника есть какое-никакое свидетельство невинности, то подозрения падут на постояльцев. А кто среди них вызывает больше всего сомнений? Кто пришел невесть откуда? Кто замешан в скандале с девицей — в том, что слухи уже расползлись, Эрмите даже не сомневался.

На секунду мелькнула мысль собрать вещи и незаметно уйти в сторону Бельфонтэна. Но это только уверит других в его виновности. Придется продолжать следствие, приложив к делу все усилия. Подозрительнее остальных выглядит шевалье, но нажимать нельзя. Если он поймет, какую игру ведет доктор, то быстро положит следствию конец. Действовать нужно очень осторожно.

Дамы Кланду закончили завтракать и вернулись в номер, а старый мсье вновь уселся к камину. Хорошая возможность поговорить с ним без посторонних ушей. Он положил протокол исписанной стороной книзу, поручив Лу не спускать глаз с бумаги, а свой стул подвинул к камину и уселся напротив старого нотариуса.

— Мсье Кланду, как вам известно, я занимаюсь расследованием обстоятельств смерти господина Греньи. Я уже поговорил с хозяевами и работниками гостиницы и собираюсь побеседовать с постояльцами. Надеюсь, вы не против?

— Сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь расследованию, — церемонно ответил его собеседник.

— Ваш кучер едва ли вернется раньше обеда. Я хотел бы сразу предупредить, что до выяснения обстоятельств убийства никому не следует покидать гостиницу.

— Это мне прекрасно известно. Кроме того, едва ли он вернется до завтра. Вы видели, в каком состоянии была дорога, а дождь продолжался еще несколько часов.

— Так или иначе, разумнее будет запросить помощь из Бельфонтэна, — заметил доктор. Кланду покачал головой.

— Эти земли вне его юрисдикции; заниматься официальным расследованием придется магистрату Сен-Клод.

— Пусть так. Тем не менее, я удивлен, что шевалье выбрал меня в качестве следователя. Вы наверняка справились бы с этим лучше.

— Боюсь, мне бы не доставало вашей прыти.

Доктор пропустил это замечание мимо ушей и поинтересовался:

— Вашей ноге сегодня полегче?

— По счастью, да... — старик потер колено, — Ваша диета несомненно помогает.

— Очень рад. Я всегда радуюсь за своих пациентов, даже если они не посчитали нужным расплатиться.

— О, я все понимаю! — смутился господин Кланду, — Мы взяли немного наличных, но в Сен-Клод я сразу рассчитаюсь с вами. Только, прошу, пусть это останется между нами.

— Врачи умеют хранить тайны, — усмехнулся Андре, — Что ж, вернемся к насущным проблемам. Вы были знакомы с господином Греньи?

— До вчерашнего дня я его не видел.

— То есть ваша семья никак с ним не была связана?

— Насколько мне известно, нет.

— Что вы делали прошлой ночью?

— Спал, разумеется. Впрочем, ночью я выходил во двор.

— По уличной лестнице?

— Да, я выбрал короткий путь. Вы понимаете, нога...

— В это время шел еще дождь?

— Нет, когда я проснулся, на улице было тихо. Собственно, потому я и решился на эту вылазку. Видите ли, мы ночевали в очень стесненных условиях и некоторые потребности... — старик сконфузился.

— Может быть, вы что-то слышали или видели?

— Нет, ничего. В гостинице было совсем тихо. Впрочем, шевалье не спал: его окна освещали мне дорогу.

— Интересно... — Эрмите встал, — Я отправляюсь наверх. Полагаю, мне не дадут возможности поговорить с мадемуазель тет-а-тет?

— Боюсь, что нет. Мадам настроена весьма решительно и сказала за завтраком, что ни на шаг не отойдет от Мари... Пожалуйста, попросите кого-нибудь из них принести мне книгу. Она в моем сундуке, лежит сверху.

Доктор поднялся по лестнице, подошел к номеру Кланду и постучал. Услышав приглашение войти, он открыл дверь и переступил порог. Узкая длинная комната, доставшаяся почтенному семейству, и вправду не блистала роскошью. Три кровати стояли у правой стены, между ними едва уместились дорожные сундуки.

Мадемуазель сидела за шитьем возле крошечного окошка, а мадам искала что-то в шкатулке с нитками. Девушка бросила испуганный взгляд на доктора и медленно поднялась со стула.

— Простите, что потревожил вас. Мне нужно поговорить со всеми постояльцами гостиницы...

— Нам нечего сказать, — отрезала мадам, — Ночь мы провели на этих жутких кроватях, и точка.

— Тем не менее, я обязан вас допросить. Мы уже побеседовали с мсье Кланду, а также с хозяевами и работником гостиницы. Остались только вы и шевалье. Простите мадам, но я должен попросить вас оставить меня наедине с мадемуазель.

— Это никуда не годится! Где такое видано: допрашивать незамужнюю девицу в отсутствие родителей? Я буду рядом и отвечу на все вопросы.

— Сейчас мне нужны ответы мадемуазель, с вами поговорим позже. Ваша дочь вполне взрослая с медицинской и юридической точек зрения.

— Это просто неуместно!

— Как семейный врач я знаю много неуместного.

— Идите к черту! Я останусь здесь: сяду на кровать у двери и буду присматривать за вами. И только посмейте заговорить о чем-то еще, — мадам удалилась, шурша юбками. Мари осторожно присела на краешек стула и шепнула.

— Прошу извинить мою мать. Вы знаете ее тяжелый нрав.

— Я даже успел привыкнуть к нему. Как вы себя чувствуете? Вы очень бледны.

— Все в порядке, просто устала с дороги и еще не пришла в себя после всех ужасов этого утра.

Доктор пристально рассматривал девушку. На бледном лице он не разглядел и следа тревоги. Все же характером Мари пошла в отца; в ней как будто ничего не было от маленькой крикливой мадам. Настоящая снежная королева.

— Перейдем к делу. Вы были знакомы с погибшим?

— Нет, никогда не виделась с ним.

— Его сын живет в Бельфонтэне, вам не довелось свести знакомство?

— Нет, мсье.

— Значит, прошлую ночь вы провели в номере?

— Да.

— Полагаю, ваша мать все время находилась рядом?

— Да, мы обе спали.

— А ваш отец?

— Он выходил ночью ненадолго. Я тогда проснулась...

— Может быть, вы слышали что-нибудь внизу?

— Нет, я почти сразу уснула.

— Вот и все, что я хотел узнать, мадемуазель. Ваш отец просил принести книгу из его сундука. И пораруйте свою мать: теперь ее черед отвечать на вопросы.

Мари с книгой вышла. В номере раздавались возмущенные причитания мадам Кланду. Старая женщина не могла смириться, что какой-то бродяжка станет ее допрашивать, словно преступницу. Она шумно уселась напротив, всем обликом выражая презрение к окружающей обстановке и своему визави.

— Я понимаю, что этот разговор вам неприятен, мадам. Спешу вас успокоить: он коснется исключительно событий прошлой ночи.

— Мои дочь и супруг склонны проявлять великодушие к отбросам вроде вас. Могу уверить, что от меня вы снисхождения не дождетесь... — она сделала паузу, сверля доктора прищуренными глазами. — Что касается прошлой ночи, я провела ее в своем гадком номере в окружении семьи.

— Да, мадемуазель уже подтвердила, что вы обе не покидали комнаты, — доктор старался держаться невозмутимо, — Насколько мне известно, ваш супруг выходил ночью?

— Да, он спускался во двор. Мне нужно объяснять, зачем?

— Это лишнее — я все-таки врач, мадам. Значит, вы тоже проснулись... Слышали что-нибудь?

— Нет. Этот хам трактирщик вместе с Греньи гуляли допоздна, но к тому времени все стихло.

— Меня интересует еще кое-что: водили ли вы знакомство с господином Греньи?

— Разумеется, нет! Что могло быть общего у меня с этим грязным дельцом?

— Его сын проживал в Бельфонтэне около двух лет — он был вхож в ваш дом?

— Не припомню такого. Нет, сына Греньи я бы точно не пропустила.

— Не сомневаюсь, мадам... Благодарю за откровенность. Собственно, это все вопросы, которые у меня были.

Мари вернулась и присела рядом с матерью. Поклонившись, доктор покинул комнату и направился в номер шеваляе.

Молодой дворянин мучился от тяжелого похмелья. Он не притронулся к еде и жадно опустошал кувшин с сидром, который принесла по его просьбе Элен. Шевалье с кружкой в руке открыл доктору дверь и молча пропустил его внутрь.

— Господин де Мире, простите, что заставил ждать. Я оставил наш разговор напоследок, поскольку предполагаю, что он будет самым долгим.

— Присаживайтесь, доктор. Разделите со мной завтрак. Не могу допустить, чтобыстряпня нашей прекрасной хозяйки пропала даром.

— Благодарю, я сыт, — Андре уселся напротив, — Не буду ходить вокруг да около, шеваляе. Мне известно, что целью приезда покойного сюда была встреча с вами...

— А я этого как будто и не скрывал...

— Но и не говорили.

— Потому что вы меня еще не спрашивали, — ухмыльнулся де Мире.

— Какие дела вас связывали?

— Денежные, разумеется. Я задолжал купцу кругленькую сумму.

— Вы рассчитались?

— Отнюдь! Вчера мой кредит увеличился, а мое положение стало совершенно горестным.

— Как же это случилось? — поинтересовался Эрмите. Прямота шеваляе начинала настораживать.

— Как вам известно, удача мне не сопутствовала последнее время. Ждать помощи от брата не приходится, поэтому я вновь решился обратиться к своему старому кредитору. И вот тут начинается самое интересное, — шеваляе налил себе первую за это утро кружку вина и нерешительно заглянул в нее. — Я хочу предложить вам сделку, доктор.

— Сделку?

— Видите ли, мое положение теперь весьма затруднительно. И дело не только в деньгах. Тут замешана дружба... и даже честь.

— Это и вправду интересно. Но о какой сделке идет речь?

— Вы наверняка собираетесь обыскивать вещи покойного. Среди них есть моя долговая расписка, датированная вчерашним днем. Собственно, она мне и нужна.

— Вы предлагаете ее выкрасть?

— Зачем же так грубо! Старик мертв, а его сын — мой лучший друг. Мы сошлись, когда я приехал в город, познакомились в его лавке. Жильбер не раз выручал меня, это самая бескорыстная душа на свете! Поверьте, он с удовольствием простил бы мне все долги при иных обстоятельствах. Однако теперь я оказываюсь в весьма двусмысленном положении.

— Потому что у вас был мотив и возможность для убийства его отца?

— Мотива фактически не было! Я собирался ехать к Жильберу еще вчера: он второй месяц торчит в Сен-Клод. Но эта чертова погода, а затем мальчишка с известием о мосте разрушили все мои планы.

— Но как друг мог вам помочь? Насколько мне известно, он фактически был наемным работником у своего отца.

— Эти деньги мне были нужны, чтобы рассчитаться с долгами, а чтобы расплатиться с Греньи, потребовались бы более решительные меры. У Жильбера немало связей в городе — он вполне мог помочь мне устроиться на службу или даже взять к себе в лавку.

— Вчера вечером, шевалье, мне не показалось, что вы готовы к таким переменам в жизни, — осторожно заметил доктор.

— Я был в отчаянии, был зол! На себя, брата, на всех... До рассвета я просидел в обнимку с бочонком вина в своей комнате, а узнав об убийстве, совсем потерял голову. Попади эта бумажка в чужие руки — и рассчитывать на снисхождение Жильбера или суда мне не придется.

— Это несомненно наведет на вас подозрения.

— Да. Но я первым делом уничтожил бы расписку. А она и поныне находится где-то среди вещей старика. В этом и есть мое оправдание для разумного человека, но много ли таковых среди судейских чиновников?

— Поэтому вы и предложили мне вести расследование?

— Конечно. Собственно, вы теперь — моя последняя надежда. Я, разумеется, не останусь в долгу, если вы выполните свою часть договоренности.

«Что-то он темнит. Впрочем, доля истины в этих словах есть: расписку он бы уничтожил... если бы нашел» — подумал Андре, а вслух сказал:

— Можете на меня положиться. Пока эта бумага мне не попадалась, но обещаю искать очень внимательно. Хотелось бы узнать, о какой сумме идет речь?

— Сто золотых ливров^[5], старый проныра ссудил мне сто золотых, — горестно ответил шевалье.

— Я имел в виду, сколько вы намерены дать за эту расписку.

— Простите. Думаю, двух ливров будет достаточно?

— Вполне. Половину я хотел бы получить сейчас.

— Конечно! — воскликнул дворянин. Он подбежал к кровати и вытащил из-под подушки туго набитый кошелек. Возможно, следуя заветам матушки, шевалье надеялся таким образом приумножить свой капитал. Он протянул доктору золотой. Пряча монету, тот сказал:

— Насколько мне известно, какие-то вещи Греньи хранил в сарае. Я собираюсь обыскать его в ближайшее время... Вы выходили из номера после нашего прощания?

— Нет, сидел здесь. Едва глаза сомкнул, когда эта суматоха поднялась.

— Слышали что-нибудь внизу?

— Если бы! Я был пьян в стельку, едва себя помню.

— Что ж, мы закончили. Я буду держать вас в курсе событий. И советуую не злоупотреблять спиртным до конца следствия.

Глава 5

Доктор зашел в свой номер. Он спрятал золото в сумке и взял плащ: на улице все-таки было прохладно, а простужаться совсем не хотелось. Когда Андре спустился, Лу со скучающим видом сидел за столом. Мсье Кланду погрузился в чтение и ничего не замечал вокруг.

Доктор вернулся к записям; он кратко изложил на бумаге свои беседы с постояльцами. Слуга, изнывая от безделья, покачивался на стуле; Пьер поглядывал на великана, явно переживая за сохранность своей мебели. Андре вполне разделял его опасения, поэтому старался побыстрее закончить записи. Скоро он поставил последнюю точку и обратился к Лу:

— Сейчас нам нужно осмотреть сарай. Ведь ваш хозяин заглядывал туда после разговора с молодым дворянином?

Слуга кивнул и вдруг хлопнул себя по лбу.

— Мсье! Я что подумал: ключа-то одного нет!

— Нет?

— Ага, от сарая который. Я-то знаю, что их всего пять, да запомнил, что от лавки в Бельфонтэне хозяин ключа и не носил никогда, только вчера утром прицепил. А от сарая нету. Он здоровый такой, тяжелый...

— Все больше похоже на ограбление... Что ж, отправляемся туда.

Эрмите спрятал бумаги за пазуху, набросил плащ и в сопровождении Лу вышел во двор. Сарай, о котором говорил слуга, размещался по левую руку от двери: деревянная пристройка прилепилась к хозяйскому крылу гостиницы. Грязь во дворе почти успела просохнуть под холодным солнцем, и они без проблем подошли к дверям. На ржавых петлях висел тяжелый замок. Доктор покрутил его: замок был покрыт засохшей грязью.

— Ваш хозяин не слишком аккуратно обращался с трактирным имуществом.

— Это верно. Только не помню я, чтоб он замки в грязь кидал. Мне-то ключей не доверял, а сам бы мараться точно не захотел.

— Стало быть, сарай вчера снова открывали. Это уже интересно.

— Ключ здоровенный был, тяжелый. Хозяин его со связки снимал, чтобы открыть, а потом обратно вешал.

— Как бы нам попасть внутрь... Дверь выглядит крепкой.

— Если надо, я замок мигом сшибу, — предложил Лу.

— Боюсь, хозяевам это не понравится. Спросим сначала у них.

Трактирщик занимался какими-то подсчетами за своей стойкой. Когда доктор со слугой подошли, он суетливо спрятал исписанный лист и вытянул руки по швам.

— Отличная выправка, Пьер. Нам нужно войти в сарай. Он на замке, а ключ, видимо, потерян. Вы дадите разрешение ломать двери?

— Да зачем же ломать, господин доктор? Я вас туда и так отведу. Этому все бы ломать... — трактирщик направился в кухню, позвав доктора и Лу за собой. Они прошли мимо котлов и сковородок в дальнюю дверь и оказались в хозяйском крыле.

Жилище Пьера и Элен представляло собой одну большую комнату. Вдоль стен примостились сундуки с одеждой и обеденный стол. Единственное окно, украшенное белоснежными занавесками, выходило во двор; напротив стояла хозяйская кровать, покрытая лоскутным одеялом.

На дальней стене висел полосатый домотканый коврик. Когда Пьер откинул его в сторону, взорам гостей открылась еще одна дверь. Путем нехитрых вычислений доктор понял, что она должна выходить в сарай. Так и оказалось: хозяин убрал тяжелый засов и распахнул дверь в темноту.

— Тут раньше второй выход был, хозяйский. Умно ведь, чтобы помои через зал не таскать! Только когда я гостиницу купил, этот сарай уже построили... Вот я старый дурак! Сейчас принесу свет, — трактирщик скрылся на кухне и через минуту вернулся с горячей лампой. — Обычно тут светло с улицы, но сейчас-то ворота не открыть.

В сарае было прохладно и сухо. Земляной пол покрывал слой лежалого сена: по-видимому, раньше здесь хранили корм для лошадей. Сейчас в сарае стоял только один тяжелый сундук. Андре откинул крышку. Там в беспорядке лежали полотняные мешочки с медью, золотом и серебром, на

каждом красовалась отпечатанная эмблема Греньи. Понять, на месте ли все деньги, было невозможно. Ни одной бумаги внутри доктор не увидел.

— Лу, хозяин держал сундук с наличными открытым?

— Всегда запирал... Да вот! — слуга поднял с пола небольшой аккуратный замок. — Видать, забыл.

Доктор достал ключи, запер сундук и обратился к спутникам:

— Так это оставлять нельзя. Если наследник недосчитается наличных, начнутся новые неприятности. Сундук нужно отнести наверх и запереть. Думаю, мой номер подойдет лучше всего. Я перееду в комнату Греньи.

— Безусловно, безусловно, — засуетился трактирщик, — сейчас я позову Жоффруа и мальчишку...

— Да я сам управлюсь! — рассмеялся Лу. Он поднял сундук и потащил к выходу. Эрмите вслед за ним прошел в обеденный зал, оставив хозяина запиравать сарай.

Чета Кланду мирно сидела у камина, коротая время за неспешным разговором. Раскрытая книга старика лежала у него на коленях. Доктор со слугой направились наверх. Андре отпер каморку, и подождал, пока Лу поставит сундук на указанное место и заберет его вещи.

Переезд в купеческий номер не занял много времени. Доктор с удовольствием оглядел новые апартаменты и решил, что здесь тоже не помешает потравить насекомых. Доставая из сумки пузырек, он с неудовольствием заметил, что жидкость почти закончилась.

— Далеко ли до разрушенного моста? — обратился Андре к слуге.

— На лошади с полчаса, пешком до обеда обернусь.

— Обернитесь, пожалуйста. Если вода в реке спадает быстро, при первой возможности отправим вас в город.

Слуга кивнул и выбежал за дверь. Оставшись один, доктор отпер дорожный сундук Греньи и принялся перебирать бумаги. Нужной ему расписки среди них не оказалось. Андре нахмурился. Если расписку не найдет он, ее обнаружит настоящий следователь. А шевалье запросто потребует деньги назад, не получив желаемого.

Доктор покрутил в руках письма от неизвестной женщины. Почерк определенно знакомый. Он уселся к столу и принялся за чтение.

Маленький скучный мирок провинциальной девицы раскрывался как на ладони. Вот последние листья облетают с дубка под окном... Вот

матушка прорыдала полдня из-за разбитой чашки... Вот отец снова слег из-за больной ноги... Вот скучная проповедь в прошлое воскресенье... Все было так знакомо Андре, будто он присутствовал лично при этих событиях.

С каждым прочитанным письмом глаза доктора все шире раскрывались от изумления. В обычной жизни немногословная и сдержанная, в переписке Мари оказалась весьма словоохотливой. Ее послания были длинными и обстоятельными: девушка подробно описывала каждый прожитый день, не жалея бумаги и чернил.

Неужели эта недотрога — таинственная возлюбленная купеческого сынка? Вот вам и мотив для всех Кланду! А их показания — ложь от первого до последнего слова. Какой там крепкий сон, если под одной крышей с семейством оказался отец Жильбера...

Все мало-помалу прояснялось: внезапная поездка в Сен-Клод, тревожность Мари, напряжение за ужином и этот скандал... Впрочем, доктор до конца не разобрался, почему его объявили виновником всех бед. От мадам толку не добиться, старик слишком уязвлен и будет молчать до последнего... Нет, лучше всего об этом расскажет сама мадемуазель.

— Господин доктор, обед готов! — крикнул из-за двери Жако.

Доктор вздрогнул. Этот мальчишка ходил по скрипучим половицам бесшумно, как мышь. Должно быть, здорово застрашал его отец. А вот Лу, под чьими шагами только что затрещала лестница, страха совсем не ведал.

— Мост смыло! — доложил слуга с порога, — Как корова языком. На той стороне всадник какой-то был — я ему поорал, да река больно шумит. Ни шиша не разобрал, дурилка. Я в него камнем запустил и обратно побежал.

— Камнем-то зачем? — спросил доктор, прислушиваясь к шагам в коридоре. Шевалье спускался к ужину. Мадемуазель что-то тихо сказала Жако и осталась в номере. Возможности лучше и не придумаешь!

— А чтоб нос не задирали, — рассмеялся Лу, — Да вы зря не волнуйтесь, все равно не добросил. Обедать пойдем?

— Через несколько минут... Мне нужно переговорить с мадемуазель Кланду наедине. Вы присмотрите за лестницей. Если кто-то из ее родителей будет подниматься, стукните в дверь. Все понятно?

— Не впервой, мсье.

Доктор подошел к двери номера Кланду и тихонько постучал. Минуту спустя Мари отворила ему. Если появление Эрмите удивило девушку, то она не подала вида.

— Извините, доктор, я не очень хорошо себя чувствую. Родители внизу и не думаю, что мне дозволено беседовать с вами наедине.

— Это не займет много времени, к тому же слуга следит за лестницей. О нашем разговоре никто не узнает, можете быть спокойны.

Мари, поколебавшись, пропустила доктора в комнату и закрыла дверь:

— Я и не волнуюсь. Но уверяю, я рассказала вам все, что мне было известно.

— Неужели? А у меня есть все основания подозревать во лжи ваше почтенное семейство, — доктор помолчал, — Вы утверждали, что не связаны с господином Греньи. А мне стало известно о более чем тесной связи между вами и его сыном. В дорожном сундуке отца я обнаружил ваши письма...

Мари побледнела и опустилась на стул.

— Клянусь, в этом не было злого умысла. Мы лишь пытались избежать ненужных расспросов и позора. Родители решили, что о моем... знакомстве с Жильбером нужно молчать, и я не стала им перечить.

— Но это в корне меняет дело. Вы все косвенно были связаны с Греньи. А ведь он был настроен против вашей свадьбы?

— Мне известно только, что господин Греньи мечтал выгодно женить Жильбера. Разумеется, я была бы недостойной партией для его сына: ни денег, ни титула. Мы собирались открыться ему только после венчания.

— Вы хотели тайно пожениться?

Мари вздохнула и начала рассказ:

— Жильбер уехал в Сен-Клод полтора месяца назад... Мы обменивались письмами через его слугу — мальчишка каждую неделю ездил в Бельфонтэн под надуманными предложениями... Словом, было решено, что при первой возможности он приедет и мы обвенчаемся. Я должна была ждать условного знака...

— Но ничего не вышло?

— Это было четыре дня назад. А позавчера в наш дом явился незнакомый гонец с запиской... Видимо, Жильбер не успел его

проинструктировать, и письмо попало в руки к горничной. Она тут же отнесла его матушке, а потом...

— О чем же шла речь в этой записке?

— Там было всего несколько слов: похоже, он писал в спешке, — Мари наморщила лоб, вспоминая, — «Наши планы придется отложить. В случае нужды обратиться к моему другу А. Я появлюсь, как только смогу. Люблю.»

— Все это интересно, но, бога ради, почему ваши родители обвинили меня во всех грехах?

— Потому что я сказала им, что автор письма — это вы... Простите, доктор! — Мари тронула его за рукав, — Я была в ужасе, когда матушка влетела в комнату и принялась кричать. Она никогда не повышала на меня голоса. А друг Жильбера был моей последней надеждой, и я решила, что нужно сохранить в тайне его личность. Я ведь не знала, что будет потом!

— И что это за друг?

— Антуан... То есть Жильбер его так называл. Это шевалье де Мире.

— Вы и с ним знакомы?

— Я видела его в лавке, Жильбер нас представил. Но в городе мы не пересекались. Не знаю, что ему известно о наших отношениях...

— А что произошло с молодым Греньи в Сен-Клод, вам известно?

— Нет. Но родители решили, что нам нужно срочно ехать туда и все улаживать. Мой дядя — тамошний каноник. Мама сказала, что он нас обвенчает, даже если отец Жильбера будет против.

— Но в этом случае ваш жених серьезно рисковал своим благосостоянием.

— О, — нежно улыбнулась девушка, — Жильбер самый бескорыстный человек на свете. Он очень добр и благороден. Кроме того, он прекрасно образован и без колебаний поступил бы на службу в нашем городе. Отец мне потихоньку сказал, что в крайнем случае возьмет его помощником и сделает своим наследником. В нашей семье на первом месте счастье и любовь, а не корысть.

— Что ж, это прекрасно, — пробормотал Андре, рассматривая домашнее платье Мари, лежавшее на кровати рядом с корзинкой для шитья.

Он мало понимал в моде, но знал, для чего женскую одежду распарывают в талии... Странно, что в письмах об этом не упоминалось: должно быть, самые откровенные из них Жильбер уничтожил. Эрмите перевел взгляд на девушку. Бледное изможденное лицо, казалось, осунулось еще больше. Он припомнил, что за последние сутки мадемуазель едва притронулась к пище.

— Все ведь намного серьезней, Мари? — тихо спросил доктор, — Ваши родители вполне практичные люди; они не стали бы подымать такого шума только из-за любовной переписки. К чему им торопиться с венчанием против воли отца жениха? К чему мчаться в чужой город под дождем?

Глаза девушки расширились.

— Пообещайте никому не говорить, — шепотом потребовала она.

— Если в этом не будет нужды... Я не держу на вас зла, Мари, но это более чем серьезный мотив для убийства. Он не просто стоял на вашем пути к счастью — доброе имя и благополучие всей семьи оказывалось под угрозой.

— Я этого не делала! Я целиком положила на волю родителей, ведь они обещали все уладить. Греньи не знал в лицо ни одного из нас, мы собирались продолжить путь и в Сен-Клод найти способ связаться с Жильбером.

— Так вы порешили вчера вечером?

— Да. После ужина матушка сказала, что все планы остаются в силе. Отец пытался протестовать: он хотел уладить дело миром — однако она держалась твердо. Вы знаете, что они тоже поженились против воли родителей... Отец потерял все контакты с родными, был вынужден тяжело работать, чтобы нас содержать. Он не хотел такой же судьбы для меня и Жильбера.

— Но чем руководствовалась мадам?

— Думаю, она просто хочет, чтобы я была рядом, — усмехнулась Мари, — Если бы Греньи лишил Жильбера состояния, нам волей-неволей пришлось бы остаться в Бельфонтэне.

— Но он не успел этого сделать...

Оставив девушку наедине с такой мыслью, доктор вышел из номера. Он решил пока не сообщать об отъезде молодого Греньи в неизвестном

направлении. Лу ожидал снаружи. Андре ничего не успел сказать слуге, потому что на лестнице послышался задорный топоток и в коридор поднялась Элен. Она запыхалась, на щеках горел румянец. Увидев Эрмите, трактирщица устремила к нему:

— О, господин доктор! Вы должны это увидеть...

— Что-то случилось?

— Да, клянусь богом! Мне понадобился чистый кубок: я заглянула за прилавок Пьера и нашла там это, — Элен протянула доктору большой ключ и туго набитый монетами мешочек с эмблемой Греньи.

Глава 6

Андре удивился. Только что трактирщик активно помогал следствию, а теперь стал главным подозреваемым. Сыск определенно оказался не самым простым занятием. Он положил ключ в карман и заглянул в мешочек: тот был полон золота.

— Здесь наберется годовая выручка от трактира. Полагаю, это достаточный мотив для убийства. Самое время поговорить с Пьером.

— Он обедает на кухне, мсье.

Элен пропустила доктора и Лу вперед: вряд ли она хотела попасться мужу на глаза. Один за другим они спустились по лестнице и прошли на кухню.

Солдат возле очага латал потертый плащ. Трактирщик сидел за столом перед миской горячей похлебки. Он с удивлением посмотрел на вошедших. Что-то в выражении лица доктора заставило Пьера подняться со стула и принять привычную стойку «смирно». Внутри у доктора все дрожало, хотя он изо всех сил старался выглядеть уверенно:

— И снова я восхищен вашей выправкой. Закаленного сержанта видно сразу. И какая выдержка! Целый день изображать воплощенную невинность и таить такой камень за пазухой.

— Не понимаю, о чем вы. Я все вам рассказал и помогал как мог, — трактирщик неумело пытался скрыть волнение.

— Так уж все? Вы ни словом не обмолвились об этом, — доктор протянул ему ключ. — Согласитесь, осматривать сарай было бы гораздо удобнее при открытой двери.

— Да черт знает, где вы его нашли! — рассердился Пьер, — Был бы у меня этот ключ, стал бы я вас водить окольными путями...

— Вам нужно было отвести от себя подозрения. А вот хорошего замка было жаль, поэтому вы и запретили нам ломать дверь.

— Я собирался заказать новый ключ, идиот! Замок купил у местного кузнеца, он мигом бы его смастерил.

— Допустим. Но что вы скажете об этом? — Андре Эрмите вынул мешок с монетами. — Думаю, эмблема Греньи вам хорошо знакома.

Трактирщик ошарашенно смотрел на деньги. Едва ли раньше ему приходилось держать в руках такую сумму.

— Да, это его кошелек. В чем вы меня обвиняете, в конце концов?

— Эти вещи были найдены под вашим прилавком. Я обвиняю вас в том, что вы ограбили и убили господина Греньи.

Пьер побагровел и грохнул кулаком по столу:

— Не трогал я старого черта! Час назад под прилавком ничего не было...

Не знаю, кто подсунул туда эту дрянь. Я на хлеб зарабатываю честно и грабежом не промышляю!

— К сожалению, улики говорят об обратном. Лу, прошу вас взять его под стражу. До прибытия дознавателей пусть посидит в моей каморке.

Слуга безмолвно подошел к трактирщику и скрутил ему руки за спиной. Элен вскрикнула и залилась слезами, солдат угрюмо молчал. Пьер не пытался сопротивляться — о нечеловеческой силе Лу в окрестностях знал каждый.

Доктор направился в обеденный зал, трактирщик и его огромный конвоир шли следом. Под изумленными взглядами обедающих постояльцев они прошествовали наверх. В номере слуга отпустил Пьера и тот принялся растирать затекшие запястья. Перед тем как запереть дверь Андре предупредил его:

— Мы не станем вас связывать, просто закроем здесь. Надеюсь, вы не станете крушить собственную гостиницу. Я дам указания, чтобы у вас было все необходимое.

Пьер сел на кровать и взъерошил волосы. Его гнев куда-то улетучился, теперь перед доктором был разом постаревший, изможденный человек.

— Продолжите расследование, прошу вас. Праведником я не был, но старика не убивал. Клянусь, мсье.

Эрмите вручил Лу ключ от каморки, а сам вернулся в номер Греньи, чтобы в одиночестве собраться с мыслями. Симпатии к трактирщицу доктор не испытывал, но разум отказывался поверить в его виновность. Андре был искренне рад, что дело завершилось и подозрения не пали на него. И тем не менее...

В любом случае ему еще нужно было найти долговую расписку шевалье. А убирал ли ее старик куда-нибудь? Ведь после завтрака он спал, а затем не покидал зала до самой смерти...

Андре запер дверь, спустился по лестнице и вошел в кухню. Заплаканная Элен сидела у очага. Увидев Эрмите, она вскочила и вытерла глаза.

— Я могу чем-нибудь помочь, доктор?

— Проводите меня в подвал. Нужно еще раз осмотреть тело.

Элен вышла на середину кухни, откинула половик и подняла крышку погреба. — Простите, я не спущусь с вами, доктор: страшно до жути. К тому же там очень тесно. Возьмите лампу со стола.

— Благодарю.

Доктор зажег лампу и осторожно спустился по шаткой лесенке. Подвал и вправду оказался тесным. Почти все пространство заполняли винные бочки, подвешенные к потолку свиные окорока и корзины с овощами. На полу лежало завернутое в простыню тело Греньи. Эрмите поставил светильник на бочку и развернул саван.

С утра старик мало изменился. Разве что кожа еще сильнее обтянула кости черепа. В подвале было холодно и тело совсем застыло. Андре передвинул лампу ближе и принялся внимательно осматривать накидку. Поиск не дал результатов.

Он заглянул во внутренние карманы сюртука, даже снял с покойника сапоги, проверяя, нет ли чего внутри. Расписка как в воду канула. Доктор передохнул минуту и начал приводить одежду мертвеца в порядок. Надевая на него сапоги, он заметил на подошвах остатки грязи.

Андре взял лампу и поднялся по лестнице. Он продрог. Элен стояла на прежнем месте возле очага, кутаясь в шаль. Доктор подошел и протянул руки к пламени. Трактирщица заметила:

— Достает же вам смелости, мсье. Я при виде мертвяков просто голову теряю.

— Обычно в моих пациентах больше жизни, — согласился Эрмите, — а вам, должно быть, потребовалось немало решимости, чтобы при такой пугливости податься в маркитантки.

Элен улыбнулась:

— На войне как на войне, мсье. Я сирота, зарабатывать на жизнь было нужно. А для девушки выбор невелик.

— Было тяжело?

— Бывало... Но судьба меня берегла: за пять лет в армии никто пальцем не тронул.

— Действительно, везение. Красота для женщины часто становится обузой, — Андре смотрел на огонь, — Как-то я работал в одной семье в Болонье... Лечил молодую супругу хозяина от неизвестной хвори. Бедняжка была редкой красавицей и чахла день ото дня. А ее муж — препротивный старикашка, но богатый как сам король. Родители выдали девушку замуж чуть ли не силой. Она покорилась, но...

— Какая жалость! Вы помогли ей?

— Нет. Я лечил ее три месяца, потом был вынужден уехать. Пару лет спустя снова оказался в городе и при случае поинтересовался судьбой бывшей пациентки. Вы не поверите, что я узнал!

— Надеюсь, она сбежала с молодым любовником мсье? — поинтересовалась Элен.

— Если бы... Она овдовела через месяц после моего отъезда. И здоровье тут же наладилось. Женщина просто расцвела, избавившись от старых пут. К ней сватались лучшие кавалеры. В тот день она снова выходила замуж — на сей раз по любви. По этому поводу гулял весь город, даже мне достался кусочек свадебного пирога.

— Удивительно! — трактирщица смотрела на него как замороженная.

— Самое забавное, что ее муж умер во сне. Видите ли, — пояснил доктор, — моя пациентка страдала от жестокой бессонницы: пришлось давать ей самые сильные капли... Оставил целый пузырек перед отъездом. Думаю, ей хватило лекарства до того, как все проблемы решились сами собой.

— Неужели вы считаете...

— Я знаю, что несчастная женщина способна на все. А уж если появляется шанс избавиться от такой обузы... — Андре встал, пристально глядя на Элен. Она отвернулась и села за стол, кутаясь в шаль.

— Всякое случается... Я не слишком была счастлива с Пьером, но никогда не помышляла травить его.

— Не сомневаюсь, — доктор развернул свой стул и уселся напротив трактирщицы, — у вас горячая кровь. Вы бы скорее зарезали мужа во время ссоры, чем стали сыпать яд ему в суп.

— Пожалуй, — она попыталась рассмеяться, но вышло плохо, — однако Пьер цел.

— Пока цел, — согласился доктор, — но это ненадолго.

Он решил вернуться в номер и обдумать все хорошенько. В коридоре Андре задержался и заговорил с Лу:

— Вы ведь чистили сапоги хозяина вчера днем?

— А то! Добрых два часа драил. Все лучше, чем маяться, покуда он дрыхнет.

— Сменной обуви у него не было.

— Не. Вы ж видали, даже в сундуке ни черта — одни бумажки.

— А на двор он перед ужином точно не ходил?

— Точно. Проснулся — и сразу вниз.

— А вы вообще... хорошо чистите сапоги? Может, грязь на подошвах осталась?

— Вот еще! — обиделся Лу, — Я свой хлеб всегда отрабатываю... Да и попробуй ему грязь оставить — враз по шапке получишь.

Доктор вернулся в номер. Он присел к столу, достал письменные принадлежности Греньи и продолжил свои записи. Его прервал стук в дверь. Она распахнулась. На пороге стоял Жоффруа. Отставной солдат решительно вошел в комнату и уселся на свободный стул перед доктором. С минуту он собирался с духом и наконец произнес:

— Освободите сержанта. Греньи прикончил я.

Глава 7

«Час от часу не легче!» — мелькнуло в голове у Эрмите. Это << признание снимало его сомнения в виновности трактирщика, но оттого не становилось менее удивительным.

— Я убил его, — повторил солдат, — Потом взял ключ и украл деньги из сундука. Спрятал все под прилавком — не думал, что найдут.

— Вы не похожи на хладнокровного грабителя, Жоффруа. Простите, но у меня в голове не укладывается, почему вы решили признаться.

— Потому что Пьер ни в чем не виноват. Он дал мне крышу над головой, я не могу отплатить ему такой монетой.

Андре прошелся по комнате. Новая версия нравилась ему еще меньше. Доктор с удивлением осознал, что в нем пробудился азарт сродни тому, что испытывают за карточным столом. Теперь им двигала жажда истины. Но как разговорить этого угрюмого вояку?

— Такому благородству любой дворянин может позавидовать. Простите, — сказал доктор, увидев, как дернулся старый солдат, — не хотел вас задеть. Но мне известно, что Пьер не такой хороший друг, каким вы пытаетесь его выставить. За крышу над головой он заставлял вас выполнять самую тяжелую работу. Ни один человек не испытывал бы благодарности при таких обстоятельствах. Так что же происходит на самом деле?

Жоффруа, настороженно следивший за доктором все это время, откинулся на спинку стула и криво ухмыльнулся:

— А вы не так просты, мсье доктор.

— Каков есть.

— Я все расскажу, — продолжал солдат, — но прежде условимся: некоторые подробности останутся между нами.

— Если это не касается дела, я не возражаю, — осторожно ответил Андре.

— Не касается... почти, — Жоффруа с минуту помолчал, — Вы знаете Элен.

— Разумеется.

— Мы познакомились тринадцать лет назад. Она торговала в нашем полку. Вы видели, какая она сейчас, а в ту пору была просто ослепительна.

— Думаю, Элен покорила немало сердец.

— Да, но ее сердце покорило только одному. Мог ли я, неудачник без роду и племени, ожидать такого счастья...

— Значит, когда-то вас связывали сильные чувства с будущей супругой вашего сержанта?

— Пьер... — Жоффруа досадливо отмахнулся от этого имени, — Тогда она и глядеть не хотела в его сторону. Кто мог знать... Как-то утром, на построении, зачитали два приказа. Один — об отставке Пьера, другой — о перебросе нашего полка. Мы выступили в тот же день, я даже не успел попрощаться с Элен. Только попросил сержанта позаботиться о ней. Сам я мог рассчитывать на отставку только через год...

— Но получили ее совсем недавно, — вспомнил доктор.

— Да. Элен не могла сразу ехать за мной: незадолго перед этим она купила лавку в городе, несколько лет копила деньги... А через пару месяцев в полк пришло письмо на мое имя. Наш писарь зачитал мне его. Элен сообщала, что вышла за Пьера, что они купили гостиницу в этих местах... Первое время я с ума сходил. В бою лез на рожон — искал смерти. Только мне везло. Через год уже был сержантом. И тогда я решил: буду служить, пока не скоплю денег, а тогда явлюсь к ней богатым человеком. Посмотрю на нее, старую и подурневшую, с кучей уродливых ребятишек от Пьера... И она поймет, что потеряла, пока гонялась за выгодой.

— Но все сложилось иначе...

— Да, — солдат медлил, словно раздумывая, — по пути сюда меня ограбили — я потерял все. Но решил, что все равно увижу ее. А Элен почти не изменилась, все такая же красавица. И мальчишка...

— Он ведь ваш?

— Мой до последнего волоска. Пьер считает Жако идиотом, но я много времени провел с ним. Он очень смысленный и добрый парень, хоть и болтает иногда бог весть что.

Доктор промолчал. Неизвестно, знает ли Жоффруа о том, что в несчастье с его сыном виноват Пьер. Он еще не успел рассказать о главном.

— Думаю, при должном уходе мальчик вырастет вполне нормальным. Но пока я не понимаю, что вас толкнуло на убийство незнакомца.

— Он увидел нас с Элен. Вчера утром я поцеловал ее на кухне, и она была не против. И тут заглянул купец. Мы шарахнулись друг от друга, а он ухмыльнулся и вышел вон. Мы весь день не находили себе места, а он знай ухмылялся да подмигивал. Я не мог допустить, чтобы все раскрылось: это слишком дорого обошлось бы для Элен. У сержанта всегда была тяжелая рука... Поэтому ночью я дождался, пока Пьер уснет, а потом вышел в зал и убил старика.

— Как именно это произошло?

— Ну... — солдат собирался с мыслями, — Греньи сидел за столом. Он был пьян. Я подошел и тихо заговорил с ним, просил держать язык за зубами. Он посмеялся и ответил, что это слишком ценные сведения для него... и для меня. Когда я понял, к чему старик клонит, медлить не стал. Отошел к камину якобы поворошить угли, а сам взял кочергу и двинул его по голове... Вот и все.

— А деньги?

— Деньги? Да, я взял их. Подумал, что пригодятся. Снял ключи у него с пояса и пошел в сарай. Там у него сундук с добром, я видел, как они выгружались утром. Я взял один кошелек. Ключи вернул обратно, кроме самого большого — его нужно снимать со связки, чтобы открыть замок. Я запер сарай, а ключ забыл в кармане. Вернул связку на место и отправился спать. Утром понял, что оплошал. Кошелек с ключом держал в своей сумке, а когда увидел, что вы пошли обыскивать сарай, решил перепрятать. Сунул под прилавок — не думал, что там найдут.

— И почему же решили сознаться?

— Неужели не понимаете? Я думал сбежать вместе с Элен и Жако. Денег нам бы хватило, чтобы начать все заново. Но если во всем обвинят Пьера, это невозможно: не смогу я жить спокойно, если его повесят за мой

грех. Смотреть в глаза Элен не смогу. Значит, все кончено теперь, и бежать больше некуда.

Солдат замолчал. Доктор медлил. Эта история была похожа на правду, она объясняла все. Или почти все?

— Я верю вам, Жоффруа. Оставайтесь пока здесь. Я запру дверь, Лу караулит снаружи.

— Да, мсье.

Доктор вышел из номера и запер его. Лу невозмутимо охранял дверь в каморку.

— Теперь у вас два узника: в нашей комнате Жоффруа. Пока никаких вопросов, — добавил Андре, встретив удивленный взгляд слуги, — и с подозреваемыми лишнего не болтайте, если случится к ним войти.

— Понял.

Доктор спустился в зал. Он подошел к камину, взял кочергу и осмотрел ее. Орудием убийства за сегодня успели не раз воспользоваться, и следов крови или волос Андре не увидел.

В животе уже урчало, но до ужина оставалось добрых три часа. Податься ему было некуда. В задумчивости мужчина вышел на улицу и стал прогуливаться по двору между лужами.

Солдат говорил как будто складно. В страхе люди совершают много глупостей, тем более если замешана любовь. Но слишком уж много самоотверженности он проявлял, слишком многое приносил в жертву ради жизни своего соперника...

К Андре подошел хозяйский мальчишка. Жако нерешительно потоптался на месте, разглядывая угрюмого мужчину в черных одеждах, и наконец спросил:

— Жоффруа грустно теперь?

— Пожалуй, — ответил ему доктор.

— Это все я виноват. Не надо было ему рассказывать про бесов.

— Каких-таких бесов, Жако?

— Таких, что ночью в сарае шастали, — затараторил мальчишка, — Мама сказала, что никого там нет, — но я-то не дурак! Отец говорит, что дурак, а Жоффруа нет... Он добрый. А теперь тоже будет думать про меня плохо...

Мальчишка всхлипнул, сорвался с места и скрылся в доме. Андре секунду глядел ему вслед, а затем решительно направился к сараю. Он открыл замок ключом, который нашла Элен, и распахнул двери. Трактирщик не соврал: света с улицы более чем хватало.

Доктор наклонился и начал внимательно рассматривать усеянный лежалым сеном пол. При первом обыске сарая его интересовал только сундук, но теперь новоиспеченный следователь искал нечто другое. Днем они тут порядочно наследили, и все же Андре надеялся, что улики сохранились. Он победоносно вскрикнул и подобрал с пола пучок сена, перепачканный дворовой глиной. Глина все еще была сырой, поэтому доктор завернул находку в носовой платок и спрятал в кармане.

Когда Эрмите вошел на кухню, Элен сидела возле стола, обнимая сына. Мальчик тихонько скулил, размазывая слезы по лицу. Как бы ни жаль было их тревожить, нужно было действовать.

— Простите, что беспокою в такой тяжелый момент... Мне нужно снова осмотреть тело.

Жако, услышав слова доктора, вырвался из рук матери и скрылся в хозяйской комнате. Элен с отчаянием смотрела ему вслед.

— Простите доктор. Он никак не может прийти в себя: только что умолял меня заколотить подвал. Боится, что ночью дух мертвеца будет бродить по гостинице.

— Вам следует успокоить его. Такие пугающие фантазии только вредят мальчику.

— Да-да. Вы ведь справитесь сами...

Трактирщица поспешила вслед за сыном. Доктор взял лампу, открыл люк и по знакомой лесенке спустился в подвал. Третий раз за этот день ему приходилось обыскивать труп. Поморщившись, Андре развернул саван и попытался снять купца его меховую накидку. Из-за окоченения тела это потребовало немалых усилий.

Доктор разложил накидку на полу и внимательно осмотрел ее, затем перевернул на другую сторону и так же кропотливо изучил с изнанки. Потребовалось немало времени, чтобы найти искомое.

— Черная кошка в темной комнате, — пробормотал Эрмите, держа в пальцах последнюю улику.

Он поднялся наверх. Кухня пустовала, из-за двери в хозяйскую половину слышался приглушенный голос Элен. Трактирщица успокаивала сына, напевая ему колыбельную.

Доктор тихо закрыл крышку подвала и вернул половик на место. Он уселся на стул возле очага. Согреваясь, Эрмите обдумывал предстоящий разговор и машинально покачивался в такт знакомой мелодии. Он почти уснул, когда Элен вошла на кухню.

— Ох, я и забыла, что вы еще здесь, — женщина уселась к столу и принялась чистить лук.

— Разумеется, вам сегодня тяжело пришлось... Но держитесь отлично. Вы знаете, что имущество убийцы могут конфисковать?

Вздрагнув, Элен кивнула.

— Ведь в гостиницу вложены и ваши деньги?

— В основном мои.

— И все-таки вы спокойны.

Женщина пожала плечами:

— Надеюсь, добрые люди не оставят вдову с больным ребенком в беде. К тому же мне не привыкать самой заботиться о себе.

— Не сомневаюсь, — доктор улыбнулся, — рад сообщить вам, что волноваться не о чем. Ваш муж свободен: в убийстве сознался Жоффруа.

Глава 8

— Нет, нет! — Элен вскочила, — Жоффруа не делал этого, не может быть!

— Он во всем сознался. Сам.

— А я не верю! Он не дурак... и не убийца!

— Да, я совсем не представлял его в этой роли. Тем не менее, Жоффруа сознался и будет осужден по всей строгости.

— Боже мой! — простионала женщина, закрыв лицо руками, — Но почему, почему он это сделал?

— Он рассказал вашу историю. Купец не желал хранить тайну и даже потребовал денег за молчание. Жоффруа убил его, спасая вашу честь... и, возможно жизнь.

— Я спрашиваю, почему он решил признаться?

— Не мог допустить, чтобы из-за него осудили невинного. Он спрятал найденные вами улики под прилавок, потому что боялся обыска. Жоффруа не ожидал, что из-за этого подозрение падет на вашего мужа.

Издав невнятный звук, Элен опустилась на стул и разрыдалась. Доктор налил ей вина из кувшина. Он подождал, пока истерика пойдет на убыль, затем подал женщине стакан.

— Я понимаю, как вам сейчас тяжело. Жить с мыслью, что из-за вас погиб любимый человек... Но Жоффруа совершил благородный поступок, защищая вас. Я уважаю его и не предаю огласке обстоятельства этого дела.

— Если бы не эти проклятые деньги, — прошептала Элен, не слыша его, — если бы я не вмешивалась...

— Если бы вы не вмешивались, расследование пошло бы по другому пути. Но что сделано, то сделано. Как я уже говорил, огласки не будет. Все

сказанное останется между нами. И следователи этого не найдут, — Андре бережно достал из-за пазухи последнюю улику и протянул Элен.

На его ладони лежала сухая былинка. Она была рыжей, как и мех лисьей накидки Греньи, поэтому поиски заняли так много времени.

— Что это? — очнулась от дум женщина и в изумлении уставилась на Андре.

— Доказательство вашей вины. Я нашел ее на теле при повторном осмотре, — доктор положил былинку на стол, — Признание Жоффруа показалось мне неправдоподобным. Более всего меня удивило место, которое он выбрал для улик: под прилавком их бы скорее нашли, чем в его сумке. Подбросить их туда могли только для того, чтобы навести подозрения на Пьера. Впрочем, не уверен, что деньги и ключ вообще успели побывать под прилавком.

Женщина сидела прямо, уставившись на травинку. Последняя фраза доктора заставила ее вздрогнуть.

— О чем вы?

— О том, что для вас это было слишком рискованно. Думаю, вы просто достали эти вещи из кармана прежде чем вручить их мне. Лжесвидетельство — серьезное преступление, но я буду молчать. К тому же версия Жоффруа объясняет все.

— Я просто боялась, что его обвинят, — прошептала трактирщица.

— И поэтому решились перенести тело?

— Да... Думала, если старика найдут посреди гостиницы, подозрение ляжет на всех сразу и в то же время ни на кого.

— Но потом вы стали действовать иначе...

— Вы все так тщательно разнюхивали. Я испугалась, что Жоффруа проболтается, и решила подтолкнуть следствие в нужном направлении.

— Вам следовало обсудить это с вашим возлюбленным. Он предпочитает умереть на виселице, взяв на себя ваш грех.

— Грех? — изумилась Элен.

— Я говорю об убийстве.

— Но я не убивала Греньи, — женщина окончательно растерялась, — когда я вошла в сарай, старик уже был мертв.

Такого поворота Андре не ожидал. Он пристально вглядывался в лицо Элен, но ее искренность не вызывала сомнений. Доктор снова уселся у очага и потер ладонями виски.

— Значит, вы нашли труп и решили перенести его?

— Ну да!

— И не назначали Греньи встречу? Разве не за этим он напоил вашего мужа — чтобы тот не расслышал, как вы покидаете спальню?

— Зачем мне эта встреча? Жоффруа обещал разобраться с этой историей до конца дня, а он всегда держит слово! Я поняла, что бедняга натворил дел, и попыталась все уладить.

— Но почему вы были так уверены, что убийца именно он?

— Ну а кто еще? Старик ходил по тонкому льду, когда издевался над нами. Эти усмешки, намеки — я чуть с ума не сошла. И Жоффруа это видел, целый день места не находил. Я пыталась его успокоить, но к вечеру он был вне себя от ярости...

— Элен, Элен... — простонал доктор, — Это все домыслы. Мотивы для убийства старика были у половины ваших жильцов.

— Да что вы говорите?! — изумилась трактирщица, — Мне и правда показалось, что появление Греньи за ужином смутило постояльцев... Но это же значит, что Жоффруа ни в чем не виноват!

— Я почти уверен в этом. Наделали вы дел, дорогая, — Андре прошелся по кухне, собираясь с мыслями, затем вновь уселся напротив Элен, — Вы должны рассказать мне о событиях прошлой ночи. Только правду, во всех подробностях. Чем больше вы сейчас вспомните, тем скорее мы найдем настоящего убийцу.

— Да, доктор! Я все-все вам расскажу...

— Итак, что привлекло ваше внимание в сарае. Вы услышали голоса?

— Нет, мсье. Пьер пришел ночью за одеялом, и я проснулась. Удивилась, что он не поднял крик: муж терпеть не может, когда Жако ночует с нами. Когда он ушел, я заметила, что Жако тоже не спит: он трясся, как осиновый лист. Я попыталась успокоить сына, но он сказал, что слышал в сарае голоса.

— Он смог их разобрать? С Греньи был мужчина или женщина?

— Нет, он спросонок перепугался и решил, что слышит нечистую силу. Я поняла только, что в сарае кто-то есть.

— Вы сразу направились туда?

— Нет, что вы! Я здорово испугалась и думала даже позвать на помощь. Но было совсем тихо, и я решилась... Отворила дверь и заглянула: там горела лампа. Греньи лежал на полу лицом вниз. Он не шевелился... Я потрогала его руку — она уже начала холодеть. Такая жуть! — Элен поежилась.

— Вы видели орудие убийства?

— Простите, мсье?

— То, чем его ударили по голове.

— Нет, мсье.

— Удар был достаточно сильным: убийца проломил старику череп. И это не был острый предмет, потому что кожа почти не пострадала. Может быть, обух топора или даже простое топориче, если как следует размахнуться...

— Боже, какие ужасы вы рассказываете! Нет, там не было ничего такого. Впрочем, я не осматривалась: не до того было. Я вернулась в спальню, сказала Жако, что ему померещилось, и быстро его убаюкала. Потом взяла уличную обувь и вернулась в сарай. Я решила, что Жоффруа добрался до старика...

— Понимаю. Вам нужно было действовать?

— Именно! Я тихонько выглянула во двор, там было пусто. Дождь уже закончился. Я пробежалась до главного входа — убедилась, что дверь не заперта, а через окошко увидела, что в зале никого. Потом вернулась за телом, почистила его обувь и одежду. На мое счастье старик был тощим и низкорослым. Я тащила его на себе и все старалась не испачкать: хотела, чтобы никому и в голову не пришло, будто купец выходил наружу.

— Что ж, ваш план удался... Я нашел испачканное грязью сено в сарае. Никто бы не стал чистить там обувь, если собирался вернуться через двор... Скажите, за все это время вас ничто не беспокоило?

— Нет, мсье. Все спали. Свет горел только в номере господина де Мире, да еще в зале.

— Понятно... Что вы сделали потом?

— В зале я сняла обувь, чтобы не шуметь... Усадила старика на прежнее место. Потом вернулась к себе.

— Оставив главный вход открытым?

— Не было другого пути. Я не решилась пробираться ночью через кухню, где спали Жоффруа и Пьер. Думала, что встану утром раньше всех и закрою засов.

— А двери сарая?

— Ключ я нашла в кармане Греньи, когда приводила одежду в порядок. Открытый замок валялся рядом с сараем. Я прицепила его на место и плотно прикрыла дверь. Заперла сегодня утром, когда выходила на двор.

— Видимо, убийца торопился покинуть место преступления... А деньги?

— Вот тут и правда мой грех... Я уже собиралась вернуться в дом и наклонилась за лампой, когда заметила, что сундук не заперт. Там было целое состояние! Я подумала, что пропажу одного кошелька никто не заметит. Ведь у Жоффруа ничего нет, а если ему придется бежать...

— Элен, вы уверены, что сундук был открыт? Этот эпизод я не упомяну в своих записях или в устных показаниях. Но мне нужно знать правду: сундук был открыт или вы отперли его?

— Он был открыт, открыт, мсье! Я бы не поленилась повесить замок обратно, если бы сделала это сама.

— Понимаю. Итак, вы взяли деньги и вернулись на свой пост возле сына?

— Да, мсье. Я тихонько уселась и стала ждать. Устала ужасно, но до первых петухов глаз не сомкнула. Поднялась ни свет ни заря и прошмыгнула в зал. Там заперла дверь, осмотрела одежду купца — убедилась, что все в порядке... Потом подняла крик.

— О дальнейших событиях мне, кажется, известно. Элен, вы все это время считали убийцей Жоффруа. Правильно ли я понимаю, что сегодня вы даже не разговаривали?

— Ни словом не обмолвились, — печально покачала головой женщина, — Поручения по хозяйству я передавала через Жако. Я люблю Жоффруа, мсье, но не могла перестать думать о том, что он наделал

— Разумеется, разумеется... — Андре вытащил свиток с записями. Некоторое время он перечитывал их, затем спрятал документ в карман и поднялся, — Мы закончили, не стану больше вам докучать.

— Доктор! — Элен умоляюще поглядела на него, — Вы сможете помочь Жоффруа?

— Сделаю все, что в моих силах. Сейчас главное — найти настоящего убийцу. Поэтому прошу вас вести себя как прежде: как без пяти минут вдова, — с этими словами Андре покинул кухню и поднялся наверх. В коридоре он перебрался несколькими фразами с Лу, после чего вошел в номер Греньи.

Жоффруа сидел на стуле возле окна; он встал навстречу доктору. Тот приблизился, всматриваясь в хмурое лицо солдата. Под пристальным взглядом старый служака смутился, хоть и постарался это скрыть.

— Я пришел снять камень с вашей души, Жоффруа. Не всякий мужчина пойдет на верную смерть ради любимой женщины. Но ваша жертва была напрасной: Элен невиновна.

— О, боже! — солдат опустил на стул, — Но как? Я ведь слышал...

— Что вы слышали?

— Как она возится в зале утром. Я всегда просыпаюсь от ее шагов, если ночью на кухне. Вот и сегодня. Она долго была в зале, слишком долго перед тем как...

— Как закричала?

— Да. Я просто онемел, когда увидел мертвяка. Элен не могла его не заметить, понимаете? Значит, уже знала, что он там.

— Еще бы не знала! Ведь это она принесла труп в зал.

— Как? Откуда?

— Из сарая, где произошло убийство.

— В сарае? Жако сказал, что слышал там возню. Я и смекнул: вот как она до него добралась. Догадался, что ключ куда-то запропал, когда Пьер повел вас через кухню. А потом сержанта берут под стражу, а она глаза прячет... Но зачем она перенесла труп, если не убивала?

— Чтобы отвести подозрения от вас.

— Я не понимаю...

— Влюбленные часто мыслят одинаково, Жоффруа. Все это время Элен считала вас убийцей. Если бы вы не избегали друг друга весь день, все давно бы прояснилось.

— Боже, случается же такое, — солдат покачал головой и рассмеялся, — Ну что ж, вы раскусили нас обоих.

— К счастью, это так. Теперь прошу рассказать мне все без утайки.

— Но я все вам выложил... То бишь я оговорил себя, конечно, но все остальное чистая правда.

— Мне показалось, разговор с Греньи не был вымыслом...

— Точно! Вчера днем мне удалось переброситься парой слов со стариком, когда он пошел в сарай. Он и вправду потребовал денег за молчание. Я еле сдержался, чтобы не прикончить мерзавца прямо там... Послал его ко всем чертям и вернулся в дом.

— Понимаю. И все-таки вы чутко спите. Может быть, вы слышали что-нибудь ночью?

— Увы, — развел руками солдат, — сегодня я спал сном младенца.

— С таким камнем на душе? Ведь вы дали слово Элен...

— Ах, это. Я не упоминал, поскольку не считал нужным... Перед сном я говорил с Пьером. Рассказал ему все подчистую. И предложил сделку: я получаю Элен, а он — мои деньги.

— Какие деньги?

— Я же говорил, что скопил небольшое состояние. Так вот, никто меня не грабил. Все было в целости. Я скрыл это, когда пришел сюда — не хотел давать Элен ложную надежду. А вчера за ужином услышал разговор Пьера со стариком и понял, что дела его плохи. Вот и решил действовать. Я давно знаю сержанта: ради денег он на все пойдет.

— И он спокойно это принял?

— Пьер был здорово выпивши, когда вошел на кухню. Я ждал у очага, не ложился. Преградил ему путь и сказал, что есть разговор. Мы уселись за стол, выпили по стаканчику, ну, я все и выложил. Сержант слушал-слушал, а потом спросил только: мол, сколько у тебя денег?

— И сколько, простите за любопытство?

— Без малого шестьдесят золотых, — не без гордости сообщил Жоффруа.

— Ничего себе! Как вам это удалось?

— Армия кормила и поила меня, давала крышу над головой. Куда холостяку тратить деньги? Только на девок да выпивку, а меня не интересовало ни то, ни другое.

— Восхищаюсь вами! Но вернемся к делу. Значит, Пьер с готовностью принял ваше предложение?

— Он просто засветился, когда я назвал сумму. Сказал, что это решит все его проблемы с поставщиками.

— Да-да, он упоминал о них утром. Разумеется, о вашем разговоре речи не шло, — добавил доктор, встретив удивленный взгляд Жоффруа, — но на каких условиях вы получали Элен?

— Мы договорились, что сразу после того, как наладят переправу, он закроет гостиницу и мы вчетвером, с Жако, отправимся в Сен-Клод. Там оформим развод: я назову мальчика своим, а Элен признается в неверности. Потом мы с нею и сыном двинулись бы на юг, где нас никто не знает. Поженились бы и жили спокойно.

— Элен была посвящена в этот план?

— Он пришел мне в голову вчера вечером. А сегодня мы и словом не обмолвились. Утром я попросил Пьера вести себя как обычно, пока эта суматоха не закончится.

— В зале во время вашего ночного разговора что-нибудь происходило?

— Пьер прикрыл дверь, когда вошел, и я ничего не слышал, мсье.

— А после вашего разговора он не покидал кухни?

— Только сходил в спальню за одеялом, а потом сразу уснул. Не мудрено: столько выпить.

— Да уж... Вы можете идти, Жоффруа. Поговорите наконец с Элен — вам давно пора это сделать.

Солдат направился было к двери, но вдруг обернулся:

— А сержант?

— Пьер пока останется под стражей, — сказал доктор, — Это необходимо, чтобы усыпить бдительность настоящего убийцы. Прошу вас не распространяться об этом.

— Понимаю, мсье. Я буду молчать.

Солдат вышел в коридор. Предупрежденный доктором Лу молча посторонился, пропуская бывшего узника на свободу.

Глава 9

Оставшись в одиночестве, Эрмите разложил свои записи на столе и погрузился в размышления. Дело оказалось запутанным до невозможности. Молодые влюбленные и старые соперники, интриганы и добряки, родители и дети — все фигуранты образовали невероятный клубок отношений, в центре которого в свой последний день оказался несчастный Гренъи.

— За каким чертом тебя понесло в сарай? — пробормотал доктор.

Наверняка старик собирался расплатиться с кем-то или, наоборот, положить вырученные деньги в сундук. А если его привели туда, угрожая оружием — вариант с ограблением тоже нельзя исключать. Узнать бы, сколько в точности денег было в сундуке.

С этой мыслью доктор вышел из номера и поманил Лу. Великан вошел, прикрыв дверь, и молча встал посреди комнаты.

— Вы владеете грамотой, Лу?

— Нет, мсье.

— Жаль. Тем не менее вы должны были заметить: ваш хозяин имел привычку записывать доходы и траты?

— Каждый день как часы. В специальную книжечку каждый день записывал.

— Странно, мне ничего похожего не попадалось.

— Так она у меня, мсье. Книжечка, то есть, — поспешил пояснить слуга, встретив хмурый взгляд доктора.

— Какого черта, Лу?

— Гренъи мне ее за ужином сунул, когда хозяйский мальчишка шум поднял.

— Зачем он это сделал? И почему вы об этом молчали?

— Да он всегда мне ее отдавал, когда напивался. Старик дела вел только на трезвую голову. А молчал я потому, что вы об этой штуке речей не заводили, — исполнительный слуга был готов обидеться.

— Ну, хорошо. Надеюсь, сейчас вы отдадите ее мне?

— Да вот! — Лу бережно достал из-за пазухи маленькую — с ладонь — тетрадь в кожаном переплете. Доктор наугад раскрыл ее. Старик писал мелко, но разборчиво. Каждая страница была расчерчена на три столбца; «Кто», «Когда», и «Сколько» значилось сверху. Купец и правда был дотошен: в последнем столбике он указывал даже медяки.

Эрмите полистал книжку и быстро нашел записи о содержимом сундука. В безыскусной бухгалтерии Греньи разобрался бы даже младенец. Сумма была более чем внушительной. Между страницами он также обнаружил расписку шеваляе. Спрятав записную книжку за пазуху, он со вздохом посмотрел на слугу:

— Ну а как у вас с арифметикой?

— С кем, мсье? — тревожно переспросил Лу.

— Неважно. Идемте.

Доктор запер купеческий номер и направился к соседней двери. Вместе со слугой они переступили порог каморки, где томился несчастный узник. Тот сидел на кровати, опустив голову. При виде вошедших трактирщик вскочил и с надеждой уставился на доктора.

— Вольно, Пьер, вольно. Вы готовы помочь следствию?

— Готов всеми силами!

— Умеете быстро и точно пересчитывать наличность?

— Конечно!

— Отлично, — доктор подошел к большому сундуку, отпер его и откинул крышку, — занимайтесь!

У Пьера округлились глаза при виде такого количества денег.

— Мсье, мне понадобится бумага и перо для точности.

— Разумеется, Лу сейчас все принесет, — Эрмите кивком отдал распоряжение, и слуга вышел. Доктор положил на стол кошелек, украденный Элен, и обратился к трактирщику:

— Я прошу вас также посчитать эти деньги особо... Для точности.

— Сию минуту, мсье доктор.

Пьер уселся к столу, высыпал на него золото из мешочка, и монеты замелькали в удивительно ловких пальцах. Доктор уселся на кровать, с любопытством наблюдая за этим зрелищем. Как бы невзначай он поинтересовался:

— Жоффруа поведал мне о вашем ночном разговоре. Меня удивило, как легко вы приняли такой удар по мужскому самолюбию.

Трактирщик вздрогнул и остановился. Но через секунду его работа возобновилась.

— Какой там удар. Я знал, на что шел, когда женился на Элен. Брак принес куда больше прибыли, чем убытков. После развода я тоже не остался бы внакладе — что ж тут плохого?

— Удивительный вы человек, — улыбнулся Андре.

— Не хотелось, конечно, терять хорошую кухарку, но найти новую нетрудно, — продолжал Пьер, — В конце концов, здесь народ привык есть по-простому.

— А Жоффруа сразу рассчитался с вами?

— Да. Деньги я утром припрятал в надежном месте.

Появился Лу со всем необходимым для точных подсчетов. Пьер разложил письменные принадлежности на столе, после чего продолжил работу в молчании. Один за другим он доставал мешочки с золотом, серебром, медью... Пересчитанные монеты складывал обратно, делал новую запись, а мешочек ставил рядом с сундуком.

Минуты текли одна за другой, небо за окном успело потемнеть, Лу сходил вниз за лампой, а Пьер все считал. Наконец, он поставил на пол последний мешочек, выпрямился и вздохнул:

— Две сотни ливров, восемьсот шестьдесят четыре су и пятьсот двадцать три денье. В том числе сто золотых из этого кошелька.

Эта сумма в точности соответствовала записям в книжке Греньи. Кем бы ни был убийца, деньги его интересовали в последнюю очередь. Доктор поднялся, с трудом распрямив затекшие ноги.

— Благодарю, Пьер. Вы оказали неоценимую услугу следствию. Теперь сложите все обратно в сундук.

Трактирщик выполнил указание безмолвно, но по выражению лица было ясно: его гложут сомнения.

— Я рад, доктор, что вы продолжаете расследование, но нет ли каких-нибудь новостей? В этой клетке с ума можно сойти.

— Пока рано говорить о чем-то конкретном, — признался Эрмите, — но некоторые наметки есть. Чтобы выпустить вас, мне нужно больше доказательств, а лучше всего — признание убийцы.

Когда деньги вернулись на законное место, он запер сундук и направился к выходу. В дверях доктор сказал Лу:

— Думаю, ужин вам пришлют наверх: я распоряжусь. Вечер вам придется провести здесь, вместе с заключенным.

— Да я ж с этим хмырем вконец ошалею! — захныкал слуга.

— Не самая веселая компания, конечно... Я видел карты у шеваляе, попробую раздобыть их для вас.

Доктор поманил Лу в коридор и там вполголоса спросил:

— Ваш покойный хозяин часто давал деньги в долг... Как по-вашему, эти люди выглядели платежеспособными?

— Это богатыми, что ли? Не все, господин доктор. Вон, те мордovorоты, с которыми молодой господин давеча уехал, тоже в должниках ходили. Он с ними летом тут встречался. Я аж диву дался: ну чего с таких стрясти?

— Расплатиться можно не только монетой, — пробормотал доктор.

Он прошел дальше по коридору и постучался к шеваляе. Тот открыл дверь, пропуская Андре внутрь.

— Простите за помятый вид, я тут вздремнул немного...

— Ничего страшного. Я зашел с надеждой позаимствовать у вас колоду карт на этот вечер.

— Нашли здесь еще одного игрока? Вы, смотрю, времени не теряете, — шеваляе достал карты из-под подушки и протянул Андре, — А как с нашим делом? Есть успехи?

— Благодарю... Я догадываюсь, где находится расписка, — доктор помедлил, — но пока не могу вручить ее вам.

— Какого черта? Я мало вам заплатил?

— Я бы сказал, что слишком много.

Андре уселся на один из стульев. Де Мире опустился рядом и раздраженно спросил:

— Что вы имеете в виду?

— То, что сказал. Вы слишком много мне заплатили за эту расписку. И щедрость покойного Греньи тоже наводит на размышления.

— Я платил не за то, чтобы вы размышляли! — взорвался шевалье, — Дело грязное, но вы знали, за что беретесь.

— Знал? Вы рассказали мне, что купец увеличил ваш кредит, но с чего бы ему это делать? Дела ваши только хуже с каждым днем... Поверить, что вы расплатитесь? Нет, он надеялся получить взамен некую услугу. Какую, шевалье?

— Это не ваше собачье дело!

— Значит, я прав.

— Убирайтесь отсюда ко всем чертям...

Андре подчинился. Дворянин вскочил и с грохотом захлопнул дверь за его спиной. Сердце доктора колотилось. Давно следовало привыкнуть к заносчивости представителей высших сословий, но увы...

Он заперся в купеческом номере и присел к столу. Что же не так с этой распиской? Доктор достал бумагу и поднес ее к свече. Обычное долговое обязательство, на первый взгляд. Под росчерком купца теснились кривые строчки, выведенные молодым де Мире. Дворянин не соврал: во всяком случае, чистописанию он выучился плохо. Андре удалось разобрать лишь одно слово: «Кланду».

Глава 10

Когда он спустился, обеденный зал пустовал. Мсье Кланду дремал на своем посту, уронив книгу. Только из-за открытой кухонной двери доносились голоса. Заглянув туда, Эрмите обнаружил идиллическую семейную картину: красавица хлопотала у стола, а солдат рассказывал какую-то забавную историю. Ему с любопытством внимал Жако, то и дело прыскавая со смеху.

Элен заметила доктора и бросилась ему навстречу. Лицо трактирщицы светилось от радости: Жоффруа успел рассказать ей обо всех событиях прошлой ночи. Мысленно женщина была уже далеко на юге, вместе с любимым и сыном. Эрмите с неохотой вернул ее к реальности:

— У меня есть несколько просьб касательно ужина.

— Конечно, доктор! Все что в моих силах.

— Во-первых, еду для Лу и Пьера нужно отнести наверх. И это передайте, — доктор вынул из кармана карты и протянул Элен, — Во-вторых, в зале нужно накрыть один большой стол на пять персон. И последнее: я попрошу вас вместе с Жоффруа и сыном не покидать кухни во время ужина.

Женщина округлила глаза:

— Так странно, мсье. А если понадобится что-нибудь принести?

— Будьте, покойны, вас позовут. Но постарайтесь, чтобы на столе было все необходимое, прежде чем приглашать постояльцев к ужину.

— Да, мсье.

Элен занялась приготовлениями: она поставила на стол, за которым обычно сидели Кланду, дополнительные приборы и зажгла новые свечи. Жоффруа подбросил дров в камин, а Жако принялся одно за другим выносить в зал горячие блюда. Доктор придвинул стул к очагу и присел,

глядя на огонь. Старый нотариус проснулся и рассеянно оглядывался по сторонам.

Через десять минут трактирщица поднялась по лестнице с подносом в руках. Эрмите слышал, как она передала кушанья Лу, а после принялась стучать в номера, приглашая гостей вниз. Наконец, Элен спустилась и прикрыла за собой дверь на кухню.

Доктор вышел на середину зала. Когда дамы Кланду и шевалье показались на лестнице, он встретил их любезнейшей улыбкой и самым изящным поклоном:

— Рад вас видеть, господа! Я взял на себя смелость и приказал накрыть общий стол. Поужинаем небольшой теплой компанией

— Что вы о себе возомнили? — мадам, казалось, была только рада новому поводу для скандала, — Я пока вправе выбирать, с кем садиться за стол.

— Пока вправе, — доктор особо выделил первое слово, выразительно глядя на собеседницу. Та приготовилась к очередному выпаду, но мсье Кланду решительным жестом прервал ее и указал на место за столом. Затем старик придвинул стул для дочери, а сам уселся рядом с ней.

— Доктор, я вынужден согласиться с женой: это крайне неуместно, — заметил он.

— Вы полагаете? А мне кажется весьма уместным обсудить дела, которые касаются всех присутствующих, в самом узком — можно сказать, семейном кругу.

Шевалье метнул на Эрмите быстрый предостерегающий взгляд и уселся на свободный стул. До сих пор он хранил молчание, но теперь счел необходимым поинтересоваться:

— Надеюсь, мне не придется извиняться перед господами Кланду? Ведь это я наделил вас полномочиями расследовать дело. Теперь же опасаясь, как бы власть не ударила вам в голову.

— Поверьте, шевалье, с моей головой все в порядке. Я лишь хочу прояснить ситуацию для остальных. Убежден, что интимная обстановка за столом поспособствует общей откровенности.

— Лично я, — заявила мадам, — ничем сокровенным делиться не намерена.

— Готов поспорить, что вы передумаете, — доктор галантно поклонился и последним уселся за стол, — любую заботливую мать волнует счастье дочери.

— При чем тут Мари?

— Для меня не секрет, что вы затеяли это путешествие ради ее благополучия. Так уж сложилось, что это не является секретом и для любезного господина де Мире.

Мари залилась краской, а ее отец сжал кулаки. Только мадам удалось сохранить спокойствие:

— Я знала, что бродячим шарлатанам нельзя доверять, — прошипела она.

— Вы напрасно так судите. Я не имею отношения к его осведомленности в этой истории. Кстати, позвольте вам представить настоящего автора того злополучного письма...

Доктор указал на шевалье. Тот метнул на него яростный взгляд, но затем откинулся на спинку стула и махнул рукой:

— Рано или поздно это бы выяснилось. Я принимал... точнее, собирался принять участие в непростой ситуации, сложившейся в вашей семье. Месяц тому назад я получил письмо от своего друга. Он признался, что по его вине девушка оказалась в затруднительном положении, и изъявил надежду на мою помощь. Жильбер собирался тайно обвенчаться с мадемуазель и просил меня доставить ее в условленное место. Встретив вас здесь, я понял, что тайна влюбленных раскрыта, и просто решил не вмешиваться.

— Невероятно! — всплеснула руками мадам, — Похоже, половина города знала о жизни моей дочери больше, чем я сама!

— Но вы не упомянули, о вчерашнем разговоре со старшим Греньи и о некоторых особых условиях вашей сделки, — заметил доктор.

Лицо дворянина побагровело. Некоторое время он сидел молча, уставившись на свой кубок. Мадам и мсье Кланду тревожно переглянулись. Шевалье поднес кубок ко рту, в три глотка опустошил его и со стуком вернул на стол.

— Видит бог, я не желал, чтобы эта история выплыла наружу... Вот уже шесть месяцев как я оказался в кармане Греньи; Жильбер ничего не знал об этом. На прошлой неделе я проигрался в пух и прах. Купец был

моей последней надеждой, и я вновь обратился к нему: поговаривали, что старик ссужал деньги в счет особых услуг...

— О какой же услуге говорил Греньи? — спросил мсье Кланду.

— Он попросил меня жениться на вашей дочери. За это обещал снабдить меня немалой денежной суммой и обнулить прежний кредит...

— Купец не жалел средств, чтобы избежать нежеланного брака, — кивнул доктор, — мало того, перед отъездом сюда он отправил сына за границу.

— Как?! — вскрикнула Мари. Казалось, она готова лишиться чувств.

— Я узнал об этом от слуги. К сожалению, он понятия не имеет, куда именно поехал господин Жильбер.

— Но это же катастрофа! Где нам теперь искать его, сколько времени на это уйдет? — мадам в отчаянии смотрела на мужа.

— Это может оказаться непростым делом, — согласился Эрмите, — поэтому я и решил поближе свести ваше семейство с шевалье де Мире. Старому другу будет легче найти господина Жильбера. Ведь вы были вхожи в его дом? — обратился он к молодому дворянину.

— Безусловно! — поняв, что окончательное разоблачение ему не грозит, шевалье преисполнился энтузиазма, — Управляющий Греньи — невыносимый старый дурак, но я знаю подход к нему. Мы выясним, куда направился Жильбер, и непременно перехватим его по дороге.

— Увы, разрушенный мост даст ему фору в неделю, а то и больше, — вздохнул доктор, — будем надеяться, что молодой Греньи не сядет на корабль. Такое путешествие займет месяцы.

Над столом повисла тишина. Все невольно думали о маленьком секрете мадемуазель Кланду, который с каждым днем становился все больше и очевиднее.

— А если послать весточку в Сен-Клод, чтобы скорей снарядили людей для строительства переправы? Этот здоровяк слуга наверняка сможет перебраться через реку? — неуверенно спросила мадам.

— К сожалению, я не могу отправлять Лу куда-либо, пока не найден убийца.

— Убийца? Разве вы не арестовали трактирщика? — удивился шевалье.

— Пьер был задержан по подозрению в краже. Сейчас он оправдан.

— Но ведь он до сих пор под стражей, — с недоумением уточнил мсье Кланду.

— Так нужно для безопасности свидетеля убийства, — доктор потянулся за фазаном. Его сотрапезники ждали продолжения, но Эрмите медлил. Он сосредоточился на содержимом своей тарелки.

— Да вы издеваетесь? — не выдержала мадам, — Если нашелся свидетель, почему убийца на свободе?

— Простите, мадам. Из-за хлопот, связанных с расследованием, я пропустил обед... — доктор глотнул вина и зажмурился от удовольствия, — Свидетель, увы, ничего не видел, только слышал. И боюсь, к его показаниям не отнесется всерьез ни один суд.

— Это полоумный мальчишка? Жако? — удивился шевалье, — Но ведь он ночевал в хозяйской комнате — Элен жаловалась, что у нее спина ноет после ночи на стуле. Эта комната далеко отсюда. Скорее на кухне бы что-нибудь услышали.

— Именно Жако. И вы совершенно правы: он был далеко от обеденного зала. Зато близко к сараю, где Греньи хранил свою поклажу.

— Вы хотите сказать, что убийство произошло там? Но как покойник вернулся за стол? — молодой дворянин совершенно растерялся.

— Разумеется, не на своих двоих, — улыбнулся доктор, — его перенесли. Кто и зачем — простите — пока не могу сказать. Тем более, к убийству это отношения не имеет.

— Вам виднее... Но до чего невероятная история! — шевалье едва сдерживал восторг: скучное убийство обростало удивительными подробностями.

— Так что же слышал мальчишка? — вмешалась мадам.

— Ничего особенного: голоса, удар тела об пол, хлопанье двери... Проблема в том, что его разум замутнен и трудно отделить правду от вымысла.

— Значит, он не узнал голос? — нарушил молчание мсье Кланду.

— Увы. Мальчик считает, что слышал злых духов.

— И какая польза от этого свидетеля? — с раздражением спросила мадам.

— Очень большая. Мальчик несомненно проснулся в момент убийства. Он слышал, как в эту минуту Пьер и Жоффруа разговаривают на кухне, и он видел, что его мать спит рядом.

Доктор вернулся к трапезе. Шевалье с минуту раздумывал, а затем изумленно присвистнул. Кланду хранили молчание, не осмеливаясь взглянуть друг на друга. Тишину нарушало только лязганье ножа, с помощью которого Андре терзал жареную птицу.

— Я очень устал, — сказал мсье Кланду, — и хотел бы остаться наедине с женой и дочерью. Господа, надеюсь, вы не откажете мне в этой любезности и закончите свой ужин наверху? После этого, доктор, я бы хотел побеседовать с вами.

Эрмите кивнул шевалье и тот помчался наверх, перепрыгивая через ступеньки. Прежде, чем последовать за ним, доктор заглянул на кухню. Элен и Жоффруа сидели возле очага и тихо о чем-то переговаривались между собой. Жако за столом строгал тупым ножиком деревяшку, напевая себе под нос. Доктор прикрыл дверь и вполголоса обратился к трактирщице:

— Мы с господином де Мире будем ужинать в номере — нужно принести еду туда.

— Сию минуту, мсье.

Женщина бросилась было к выходу, но Андре задержал ее:

— Еще несколько слов... Это касается вашего сына. Ближайшее время Жако не должен оставаться один: пусть Жоффруа сопровождает его повсюду, даже в отхожее место.

— Но почему? — встревожилась Элен, — Моему мальчику что-то угрожает?

— Скорее всего, нет, — поспешил ее успокоить доктор, — но осторожность не помешает. Не забывайте, что среди нас убийца, а ваш сын — ценный свидетель. О вашем участии в событиях прошлой ночи я умолчал: постояльцы считают, что просыпался и что-то слышал только Жако.

— Господи, но как вы могли подвергнуть мальчика такому риску?! Если убийца попытается добраться до него...

— С Жоффруа ни один из них не справится.

Доктор с улыбкой перевел взгляд на солдата, хмуро внимавшего разговору. Тот кивнул и пересел за стол. Взяв деревяшку из рук мальчика, мужчина достал карманный нож и за несколько движений превратил грубую болванку в узнаваемую фигурку медведя. Жако захлопал в ладоши от восторга, а Элен с трудом сдержала слезы:

— Жду не дождусь, когда этот кошмар останется позади.

— Скоро все закончится, обещаю. И для вашего спокойствия я подержу Пьера взаперти до конца следствия. Рано или поздно он догадается, кто нашел деньги под его прилавком, а обстановка в гостинице и без того накалена до предела.

— Вы правы. До чего же мне сейчас стыдно, что я так подло пыталась оговорить Пьера. Поверьте, это все от страха за Жоффруа, — шепотом уверила доктора Элен.

— Страх за близких часто толкает нас на безумные поступки, — согласился Эрмите.

Трактирщица с подносом вышла в зал, где взяла со стола несколько блюд, бутылку вина, и вслед за доктором поднялась по лестнице. Они вместе подошли к номеру шеваляе. Внутри доктор уселся за стол и подождал, пока закроется дверь за Элен. Он вынул из внутреннего кармана сложенную вчетверо расписку и передал притихшему шеваляе:

— Ваша «индульгенция», мсье.

Молодой дворянин развернул бумагу. Пробежав расписку глазами, он сжал ее в кулаке:

— Вы человек слова, доктор. Пожалуй, я ошибался на ваш счет.

— Как и я на ваш. Мне жаль, что пришлось заговорить о подробностях вашей сделки с Греньи. Но я мог добиться правды только накалив обстановку до предела...

— Отчего же?

— Разговорить простого человека нетрудно, — усмехнулся доктор, — но вы, знать и городская верхушка, — иное дело. Образованы, обеспечены, дорожите своим именем и репутацией... Вам есть, что терять. Мне, как врачу, не раз выбалтывали семейные тайны, порой очень сомнительного характера. А со следователем никто не хочет откровенничать. Вот и пришлось идти на риск.

— Невероятная история, — пробормотал шевалье, — просто невероятная.

— Мне непонятно одно: вы так дорожите дружбой с молодым Греньи, но подписавшись на сделку с купцом, фактически предали его...

— Вы всерьез думаете, что я бы женился на Мари? — удивился дворянин, — Оставьте, доктор. Я собирался ехать к Жильберу и поторопить его с женитьбой — сыграть роль купидона, если вам так угодно. И вдруг встречаю в коридоре семейство нотариуса в полном составе! Я не знал, что и думать, а после известия о разрушенном мосте совсем упал духом. Вы представить себе не можете, насколько я вам благодарен!

Андре получил остаток обещанного вознаграждения, попрощался с шевалье и вернулся в свой номер. Там он уселся к столу. Спешить было некуда, оставалось только ждать. Доктор решил навести порядок в делах. Он достал из кармана записную книжку Греньи и отпер шкатулку с письменным прибором.

Подделка безыскусный почерк старика оказалось плевым делом. При обыске тела и вещей купца Андре разжился неплохой суммой и хотел, чтобы это осталось его маленькой тайной. Совершив задуманное, он вновь достал и перечитал протокол.

С тех пор, как Элен вернулась на кухню и захлопнула дверь, внизу было тихо. Из каморки иногда доносилось досадливое бормотание Пьера, которому не шла карта. Лу добродушно мычал в ответ. Вскоре лестница закрипела: Мари возвращалась в номер. Еще через несколько минут в коридоре вновь послышались шаги и в дверь постучали.

Мадам тихо сказала доктору, что мсье Кланду ждет его. Она выглядела усталой и постаревшей. Женщина удалилась в свою комнату, а Эрмите отправился вниз для последнего на сегодня разговора.

В зале догорали свечи, камин тоже был готов вот-вот угаснуть. Отец семейства сидел за опустевшим столом, в задумчивости потягивая вино. Он поднял глаза на доктора и приглашающим жестом поднял кубок. Эрмите сел напротив. Старик хранил молчание.

— Как ваша нога?

— Хуже, — глухо ответил мсье.

— Приказать принести трость? — осторожно осведомился Андре.

— Из преисподней? — невесело усмехнулся старик.

— Значит, она на дне пропасти? Выбросили за домом?

— Все-то вы знаете, доктор.

— Вы мне льстите, — Эрмите налил себе вина, — например, я не знаю, какую сумму предложил Греньи за честь вашей дочери.

— Двести золотых... Он мог посулить все деньги мира, но дело закончилось бы тем же.

— Как вы встретились?

— Я вышел по нужде. Было темно, все спали. Я встал на верху лестницы: спускаться и не думал из-за больной ноги. И тут услышал его: этот болван шел вокруг дома к нужнику, чертыхаясь на каждом шагу.

— И вы решились заговорить?

— Да. Долго спускался по этим проклятым ступеням, молясь, чтобы успеть. Он как раз закончил свои дела, когда я подошел и представился.

— Греньи, должно быть, удивился.

— Он был ошеломлен. Потом принялся хохотать. Пьян был в стельку и даже не думал держать себя в рамках приличия.

— Вы хотели все уладить миром?

— Разумеется! Брак, заключенный без родительского благословения, счастливым не бывает. Уж мне ли не знать... Он сказал, что здесь нас могут услышать, и предложил прогуляться в более уединенное место.

— В сарай?

— Да. У старика с собой был фонарь. Я осветил, пока он возился с замком. Внутри я присел на сундук — нога болела ужасно — и начал разговор. Он все посмеивался. Но я должен был договорить — ради Мари, понимаете?

— Понимаю.

— Когда я закончил, он попросил меня встать. Отпер сундук и показал деньги. Я не сразу понял, что этот негодяй имеет в виду. А он сказал: здесь, мол, две сотни золотом. За наше молчание это более чем хорошая цена.

Мсье замолчал. Угли в камине едва мерцали, на столе мигала неверным огоньком последняя свеча. Доктор первым решился нарушить молчание:

— Странно, что вы не ударили его в лицо.

— Он этого не заслуживал. Я сказал, что денег нам не нужно. Я достаточно поработал на своем веку, чтобы обеспечить семью всем

необходимым. И честь дочери не продам. Он принялся хохотать, словно бес вселился в старого мерзавца. Я вцепился руками в трость, так что пальцы онемели. А он все хохотал... Потом говорит: глупо в вашем положении заикаться о чести. И повернулся к сундуку, чтобы запереть его. А дальше будто и не помню себя: руки сами, без моей воли, размахнулись — и через секунду старик бездыханный лежал на полу.

Мсье Кланду зажмурился и потряс головой, словно сбрасывая с себя наваждение:

— Я прикрыл сарай и добрал до дома. Вернуться решил прежним путем — не хотел шум подымать. Уже подошел к лестнице и тут вспомнил о трости. Она мне чем-то таким гадким показалась, будто змею держу в руках. Не выдержал и швырнул ее в пропасть. Нога — чудо такое — совсем тогда не болела.

— Такое бывает, — подтвердил доктор, — когда человек в ярости или сильно напуган.

— Что ж, со мной приключилось то и другое, — согласился старик, — Я поднялся в номер и лег. Думал, что глаз не сомкну, но тут же забылся до утра. А когда трактирщица принялась кричать, мне все это дурным сном показалось. Сами посудите: ведь Греньи был мертвее мертвого, когда я его оставил...

— Еще бы!

— Этот день был сущей пыткой. Я не понимал, как покойник оказался в зале — чертовщина какая-то. Нога болит ужасно, но приходилось делать вид, будто мне легче, чтобы никто отсутствие трости не заметил. И потом арест трактирщика... Я едва сдержался, чтобы не объявить о своем преступлении.

Поймите, доктор, если бы дело касалось только меня, я бы сразу пришел с повинной. Но это признание уничтожит семью. Все эти годы я трудился ради благополучия дочерей, охранял покой жены — и все разрушил одним ударом. Ведь они могут остаться без гроша, если мое имущество конфискуют. И захочет ли Жильбер жениться на дочери того, кто убил его отца...

Последняя свеча погасла. Старик уронил голову на руки и затих. Эрмите в задумчивости встал и подошел к камину. Он пошевелил угли кочергой, подбросил пару поленьев — и пламя вспыхнуло с новой силой.

Доктор вернулся к столу. Он пытался собраться с мыслями, не зная, как и с чем обратиться к мсье Кланду.

В эту секунду до слуха Андре донеслись приглушенные всхлипывания из кухни. Неслышно ступая, он подошел к двери и дернул ручку. Элен, которая, несомненно, слышала весь разговор, практически упала ему на руки. Женщина смущенно встала и вытерла глаза:

— Простите, доктор. Жоффруа и Жако ушли спать, а я не могла уснуть из-за опасности, о которой вы говорили. Когда услышала движение в зале, решила все разузнать... Вечно я суюсь не в свое дело, но до чего ужасная история! Неужели смерть старого негодяя погубит столько хороших людей? Просто не верится, ведь я могла отвести беду от нас всех, если бы была чуточку умнее...

Мсье Кланду выпрямился на стуле и не без любопытства глядел на трактирщицу.

— О чем вы, милая? — ласково спросил он.

— Ох, мсье, — Элен присела на стул рядом со стариком и умоляюще заломила руки, — это я перенесла покойника в зал, а потом подбросила улики, чтобы подумали на Пьера.

— Но зачем?

— Я решила, что убийца — Жоффруа. Поймите, я не могла допустить, чтобы его осудили.

— Отставной солдат? — мсье нахмурил брови, но секунду спустя его лицо просветлело, — Понимаю, этот мужчина, бесспорно, больше вам подходит, нежели трактирщик.

— Греньи застал нас вместе, и мы боялись... Жоффруа поклялся, что все уладит, и я не так его поняла. Вчера ночью он поговорил с Пьером и тот согласился дать мне развод.

— Так это же прекрасно. Сказать правду — лучшее решение. Надеюсь, вы будете счастливы. Надеюсь, вы будете счастливы...

Старик протянул руку и погладил Элен по щеке. Он кивал ей головой и безмятежно улыбался, повторяя последнюю фразу. Эрмите подошел ближе, отодвинул женщину и заглянул старику в глаза. Он встретил бессмысленный и рассеянный взгляд. Взгляд младенца, а не взрослого мужчины.

— Элен, позовите его жену и дочь... Разбудите всех: потребуется помощь. У мсье Кланду удар.

Глава 11

Шевалье был так любезен, что уступил больному свой номер. Жоффруа и Лу перенесли вещи, а старика со всеми предосторожностями уложили на огромную «господскую» кровать. Переезд в роскошный номер не мог утешить мадам Кланду. Маленькая и растерянная старушка сидела рядом с кроватью и глотала слезы, наблюдая, как жизнь покидает тело ее супруга.

Старый мсье перестал желать всем счастья, когда Элен убежала наверх. Вначале отказала речь, затем ноги и руки. Лу пришлось нести его наверх, как ребенка. Тщедушное тело утонуло в перине. Прикрытый простыней, господин Кланду лежал и равнодушно смотрел в потолок.

Несчастная Мари то порывалась схватить иссохшую руку, то бросалась утешать мать. В конце концов доктор напоил ее успокоительным и с помощью трактирщицы усадил подремать в кресле возле окна. Помочь отцу мадемуазель было не в его силах. Эрмите тихо сообщил об этом мадам, но та осталась безучастной.

Минуты у постели больного тянулись мучительно долго. Устав от ожидания и собственного бессилия, доктор извинился и сошел вниз. В зале ярко горел камин, светили свечи. Все обитатели гостиницы, за исключением злосчастного семейства, собрались за общим столом. Пьер, которого Андре освободил без лишних объяснений пару часов назад, собственноручно подливал всем вина.

Эрмите присел на стул, принял кубок от трактирщика и пригубил напиток. Он смертельно устал от разговоров и хлопот прошедшего дня. Хотелось спать, но отправляться в постель было не время: еще не все дела закончены. Присутствующие ждали новостей. Первым решился заговорить шевалье:

— Как здоровье господина Кланду?

— Плохо. Едва ли он доживет до утра, — признался доктор.

— Но он успел... обо всем рассказать? — нерешительно поинтересовался молодой дворянин. Андре медленно кивнул и продолжил:

— Остаться в этом проклятом месте с двумя мертвецами — безумие. Утром Лу отправится за помощью в Сен-Клод. Нужно составить письмо, которое он передаст начальнику городской стражи. Господин Пьер, будете любезны еще раз поделиться бумагой и чернилами?

Трактирщик беспрекословно выполнил просьбу доктора. Все необходимое через минуту лежало перед ним на столе. Эрмите обвел глазами собеседников и спросил:

— Что же нам написать?

— Правду, разумеется! — воскликнул Пьер, но тут же прикусил язык под суровым взглядом доктора.

— Правду? Извольте... Правду о мальчике, которого побои довели до безумия? Правду о скряге, который обобрал жену до нитки и пытался нажиться даже на разводе? — доктор перевел взгляд на Элен, — Или, может быть, правду о ходячих мертвецах? О женщине, которая пыталась обвинить мужа в убийстве, которого тот не совершал? Как думаете, — обратился доктор к шевалье, — понравится кому-нибудь правда о промотавшемся молодом дворянине, который ради кошелька с золотом был готов жениться на невесте лучшего друга и признать чужого ребенка своим? Который решил выкрасть документ, свидетельствующий о его позоре, из вещей покойника?

— Вы дали слово! — де Мире, бледный как полотно, треснул кулаком по столу. Он угодил по полной бутылке вина, которая с грохотом отлетела в сторону и разбилась о стену. Элен вскрикнула, а по штукатурке расплозлось огромное ярко-красное пятно.

— Полегче, — негромко сказал Лу, который успел встать между своим новым господином и взбешенным шевалье.

— Благодарю, Лу, — доктор встал и прошелся по залу. — Какую же правду я еще не упомянул? Ах, да! Правда о двух влюбленных... О жестоком богаче, который желал повыгодней женить сына... О старом

отце, которому предложили щедрый откуп за позор его дочери... О том, чем все это закончилось.

Он повернулся к столу и вытащил из кармана толстый свиток:

— Вот мои записи по делу. Здесь вся правда, от первого до последнего слова. Четыре листа, исписанных с обеих сторон. Признаюсь, у меня уже сводит пальцы при одном виде пера. Так может, отправить Лу в город вместе с этим протоколом?

В зале повисла тишина. Взгляды присутствующих были прикованы к злосчастному свитку. Доктор выдержал положенную паузу и продолжил:

— Так что же вы посоветуете, господа? Теперь, когда секретов больше не осталось?

— А вы наврите!

Детский голос прозвучал так неожиданно, что Андре не сразу понял, кому он принадлежит. Жако все это время неслышно и невидно сидел у камина. Едва ли он понял хотя бы половину сказанного; по испуганным лицам взрослых мальчик догадался, что правда, о которой толкует человек в черном, никому не нравится.

— Дельная мысль, — согласился доктор, повернувшись к Жако, — но как именно наврать? Какая неправда всех устроит?

Мальчик смутился от всеобщего внимания и замолчал. К нему на выручку пришла мать:

— Такая, на которую у меня ума не хватило. Ночью господин Греньи напился пьян, вышел на улицу по нужде, да впотьмах споткнулся и упал. Он ведь пьян был, Пьер? — обратилась она к мужу.

— В стельку, — мрачно подтвердил тот, — больше половины бочонка выдул. Я и сам еле до кухни дополз. Вон, Жоффруа подтвердит.

— Верно говорите, сержант, — кивнул солдат, — едва на ногах держались. А старик в зале остался, еще песни пытался петь.

— Вот я утром заметила, что вход не заперт, отворила дверь — а он, бедняга, навзничь лежит, — продолжала Элен, — Я, понятное дело, в крик. Всю гостиницу переполошила. Вы, доктор, его осмотрели и сказали, что ничем уж не поможешь.

— Помню такое, — заметил Лу, — не повезло старику: упал на спину, затылком о камень.

— А я вас попросил, — вмешался мрачный де Мире, — подробно все это описать. Как самого грамотного... За исключением мсье Кланду — но он очень плохо себя чувствовал со вчерашнего дня.

— Думаю, я смогу это все изложить в нескольких фразах, — кивнул доктор.

Он склонился над бумагой; остальные затаив дыхание смотрели, как на листе слово за словом рождается история, которая устраивает всех.

Закончив, доктор поставил свою подпись, его примеру последовали шевалье и Пьер.

— Хорошо бы мсье Кланду расписаться, но...

— Я знаю руку отца и могу сделать это вместо него.

На лестнице стояла Мари. Ее разбудил шум, который поднял разгневанный де Мире. Никем не замеченная, девушка наблюдала за происходящим, пока не поняла, что настал ее черед выйти на сцену. Подойдя к столу, она крепко сжала перо и вывела под протоколом подпись Кланду. После этого мадемуазель поглядела на доктора:

— Надеюсь, мою мать не потревожат лишними расспросами?

Андре не успел ответить, потому что сверху донесся истошный крик мадам:

— Доктор! Ему хуже! Помогите кто-нибудь!

Эрмите бросился к лестнице, следом за ним поспешили Мари и Элен. Втроем они вбежали в господский номер и увидели жуткую картину: мсье Кланду бился в агонии. Лицо его побагровело, глазные яблоки выкатывались из орбит, все тело сводило судорогой. Жена пыталась удержать старика в постели, но одним взмахом безвольной руки он отбросил ее к стене.

Доктор велел Элен держать ноги больного, а сам схватил одну из своих склянок со столика и, крепко зажав голову одной рукой, другой влил ему в рот лекарство. Через несколько секунд тело старика обмякло. Он откинулся на подушки, прикрыв глаза. В наступившей тишине слышались лишь всхлипывания мадам и тяжелое дыхание умирающего. Мари ласково сжала руку отца и шепотом позвала его.

Веки мсье Кланду дрогнули; он обвел комнату мутным взглядом. При виде дочери лицо старика болезненно искривилось, а по морщинистой

щеке скатилась одинокая слезинка. Мадемуазель наклонилась к нему и быстро заговорила:

— Все будет хорошо. На рассвете пошлют за помощью. Доктор написал властям, что с Греньи произошел несчастный случай. Все это подтвердили. Вы слышите, отец?

Взгляд умирающего прояснился. Мсье Кланду попытался поднять руку, чтобы погладить дочь по волосам, но силы его оставили. Старик глубоко, с хрипом, втянул воздух и затих навсегда.

Глава 12

Элен прибрала господский номер, а старую мадам напоили снотворным и уложили спать на той самой перине, на которой скончался ее муж. Когда хлопоты закончились, постояльцы разошлись по номерам. Мало-помалу гостиница погрузилась в сон.

Покойного перенесли в подвал. Когда Жоффруа с телом ее отца спускался по шаткой лесенке, Мари наклонилась над люком с лампой в руках. Она пристально глядела в холодное подземелье, где на каменном полу лежали рядом убийца и его жертва, ее любимый отец и ее злейший враг...

До рассвета девушка просидела у погасшего камина, кутаясь в шаль. Она не пошевелилась, когда в зал спустился Лу. Слуга наскоро перекусил остатками ужина, оставленными для него Элен с вечера, и собрался в путь. Только тогда Мари поглядела на юного великана снизу вверх и попросила его беречь себя. Тот надвинул шляпу на лоб и скрылся в тумане. Лу отправился в Сен-Клод с запиской, которую доктор дополнил сообщением о смерти мсье Кланду.

День прошел спокойно. Элен и Мари поочередно дежурили возле мадам, время от времени навещал ее и доктор. Здоровье старушки не вызывало опасений, но она явно упала духом.

Впрочем, к обеду мадам расшевелилась и принялась громко сетовать о том, что они не взяли в дорогу черных платьев. Элен быстро успокоила старушку, усадив ее за работу. К вечеру одежду Мари и ее матери украшали траурные нашивки. Позаботившись таким образом о приличиях, мадам успокоилась.

Когда солнце клонилось к закату, за воротами раздался шум и во двор на резвой лошадке влетел кучер Кланду. К его седлу было приторочено все

необходимое для починки повозки. Это событие окончательно взбодрило старушку: она заявила, что завтра же все члены семьи — живые и мертвые — возвратятся в Бельфонтэн.

Кучер с помощью Жоффруа приступил к ремонту. Жако ухаживал за лошадьми. Доктор прогуливался во дворе, высматривая на дороге Лу, который обещал вернуться до заката. Путь до Сен-Клод не должен был занять много времени. Андре уже пожалел, что не отправил кого-нибудь проследить, чтобы парень благополучно перебрался через реку.

К нему подошла Мари. Лицо ее осунулось и побледнело еще больше.

— Свежий воздух, безусловно, полезен для будущей матери, но сон все-таки важнее, — заметил доктор.

— Едва ли я смогу отдохнуть в номере, — со слабой улыбкой заметила она, — матушка тут же засадит меня за шитье.

— А вот шитье в вашем положении вредно. Так и передайте. А потом — спать.

— Лучше я прогуляюсь, пока светло, — Мари плотнее запахнула шаль и поинтересовалась, — Лу вернется сегодня?

— Надеюсь. По крайней мере, он обещал поспеть к ужину.

— Скоро стемнеет, — девушка помолчала, тревожно глядя на пустую дорогу, — доктор, что мне делать?

— Как я уже советовал: пораньше лечь спать.

— Я говорю о завтра. Матушка хочет вернуться в Бельфонтэн. Я понимаю, что должна похоронить отца, но это потребует не меньше недели. Я не могу терять время сейчас, когда нужно искать Жильбера.

— Лу собирался посетить дом Греньи. Если кто-то и в курсе местонахождения молодого господина, то этот кто-то там. Думаю, письмо наследнику с извещением о смерти купца отправят сегодня же. А вернувшись, он без труда найдет вас дома.

— Вы правы. Просто у меня в голове все смешалось.

— Не корите себя. Делайте то, что должно. Сейчас от вас требуется выдержка. Но скоро ваша мать придет в себя и окружит вас прежней заботой.

— Едва ли я это вынесу... Доктор, — Мари медлила, будто опасаясь затронуть какую-то скользкую тему, — а где записи по делу, которые вы вели. Которые собирались отправить сегодня в город?

— Они у меня. Следовало еще вчера их уничтожить, но все не было времени.

— Отдайте их мне, прошу.

— Вам? Зачем, Мари?

— Когда Жильбер найдется... Рано или поздно мне придется все ему рассказать. Так лучше иметь ясную картину происшедшего перед глазами.

— Что ж. Если кому-то и стоит владеть этими записями, то только дочери Кланду, — согласился доктор. Он вынул из внутреннего кармана плаща свиток и передал его девушке.

Жако шел к сараю за кормом для лошадей. Услышав последние слова Эрмите, он выронил ведро и вытаращился на Мари. Потом несмело подошел ближе и спросил ее, понизив голос:

— Вы — дочь Кланду?

— Да. Тебе что-нибудь нужно?

— Вот дела! А я думал, вас зовут мадемуазель Мари, — рассмеялся мальчишка, — Я второй день таскаю это в шапке. Один господин велел передать дочери Кланду в Бельфонтэне. Я-то туда уж не попаду, думал с вашим кучером отправить.

Он снял свой потрепанный головной убор и достал оттуда сложенную вчетверо записку. Удивленная девушка развернула бумагу и ахнула:

— Это почерк Жильбера! Доктор, вы не могли бы — у меня руки дрожат.

Она протянула записку Андре, и тот прочитал вслух:

«Любимая!

В прошлом письме я не успел объяснить тебе всего, что произошло за эти дни: слишком спешил. Сейчас времени предостаточно.

Наша тайна раскрыта. Твое последнее письмо попало в руки к отцу. Он был в ярости! Избил несчастного слугу, и тот выдал твое имя. Мне пришлось рассказать все как есть. Увы, наши опасения подтвердились: отец заявил, что пока он жив, наш брак не состоится.

На следующее утро я под присмотром двух головорезов мчался на юг. В Марселе нас ждал корабль, отправляющийся в Испанию. Наемники не спускали с меня глаз, и я почти потерял надежду снова увидеть тебя.

По счастью, нам не удалось проделать и десяти лье по дороге. Колесо повозки отлетело на полном ходу. Один из моих конвоиров сломал руку.

Ухаживая за приятелем, второму пришлось ослабить бдительность. Я воспользовался этой возможностью, чтобы сбежать.

На этом злоключения не закончились: я умудрился заблудиться в родных краях! Всю ночь брел через лес, молясь только о встрече с тобой. Услышав на рассвете колокола Сен-Клод, я заплакал от счастья.

По возвращении в город я едва не свалился в лихорадке. Идти домой возможности не было; сейчас живу у моей старой кормилицы. Это добрейшая женщина, она спасла меня от верной гибели.

Чтобы увидеть тебя, я готов ползти на коленях, но увы, мое тело с этим не согласно. Мальчишка из трактира согласился доставить это письмо. Пожалуйста, награди его. Я отправлюсь в дорогу, как только окрепну. Скоро мы будем вместе!

Твой Ж. »

Доктор закончил и поднял глаза на Мари. Только сейчас он заметил, что девушка перестала слушать. Прижав пальцы к губам, она смотрела на дорогу: к гостинице приближались два человека.

Одного Андре узнал сразу благодаря его огромному росту. Второй путник тоже был молод, но одет куда лучше, чем Лу. Он явно устал и пошатывался от слабости. И все-таки юноше хватило сил подхватить Мари, которая с криком: «Жильбер!» — бросилась в его объятия.

Эпилог

На починку моста ушло три дня. Влюбленные вместе со старой мадам и молодым шевалье уехали в Бельфонтэн, как только починили карету Кланду. Позднее экипаж вернулся и увез обоих мертвецов. Юный Греньи не желал разлучаться с Мари даже на несколько дней и посчитал, что его отцу все равно, где быть похороненным.

Влюбленные собирались тихонько обвенчаться сразу после печальной церемонии. Мари в приватном разговоре с Эрмите выразила надежду, что ее духовник справится с двумя обрядами за один день. Перед отъездом она вручила ему всю имеющуюся наличность. Жених взял на себя расходы осиротевшего семейства, и мадемуазель могла себе позволить невиданную доселе щедрость.

Лошадь купца Жильбер подарил доктору в качестве благодарности за его услуги почтенному семейству. Андре был неважным наездником, но благосклонно принял дар. Он старался проводить больше времени в конюшне, чтобы животное привыкло к новому хозяину.

Вместе с ним там часто бывал и Лу, который получил разрешение оставить себе Гнедого. Молодой Греньи также вручил великану пять золотых за верную службу старому хозяину. Теперь слуга был богат и свободен. Это развязало ему язык: парень без умолку болтал с меринком о том, как прекрасно они будут жить у его матушки.

После отъезда большей части постояльцев хозяева начали готовить гостиницу к закрытию. Элен и Жоффруа просушивали тюфяки, стирали белье, прибирали и запирали номера. Пьер собственноручно подправил вывеску. Теперь надпись над воротами оповещала путников, что «Свенья и Гусь гостей ни пренемаит».

Трактирщик выбрал самую легкую работу не от лени, а по причине недомогания. Жоффруа крепко поговорил с бывшим сержантом, когда узнал, по чьей вине Жако растет с причудами. Пьер после этого разговора преисполнился раскаяния. Вел себя тише воды, ниже травы. Деньги, полученные авансом от солдата за развод с Элен, он вернул. Гостиницу же было решено продать.

Мальчишка преобразился. Он всюду следовал за Жоффруа. Едва ли мать раскрыла Жако секрет его появления на свет, но факт остается фактом. Он стал более разговорчивым, причем теперь его болтовня имела больше общего с реальностью, чем когда-либо.

Утром четвертого дня Элен разбудила доктора и Лу на рассвете. В последний раз она накормила их завтраком и каждому вручила по завернутому в полотенце мясному пирогу. Трактирщица отперла им конюшню и убежала в дом, чтобы не расплакаться.

Андре не без опасений подошел к лошади. Она носила кличку Одуванчик, хотя прежний хозяин чаще называл кобылицу Проклятая. Животное не отличалось покладистостью. При виде доктора лошадь покосилась на него и — Эрмите готов был поклясться в этом — свирепо ухмыльнулась. Он встал в нерешительности, держа сумку в руках.

— Лу, вы не окажете мне услугу напоследок...

— Лошадку снарядить? Это я мигом.

Одуванчик смиренно приняла сбрую и вскоре стояла под седлом с самым невинным выражением морды. Но Андре не терял бдительности. Он осторожно приторочил сумку к седлу и не без труда взгромоздился на лошадь.

Ростом доктор был немногим выше прежнего хозяина, но порядочно тяжелее. Одуванчик недовольно крикнула, однако постеснялась громче выражать недовольство в присутствии явно симпатичного ей Лу. Взаимно недовольные друг другом, лошадь и всадник ждали, когда слуга закончит возиться с Гнедым.

Через несколько минут они вышли на дорогу. Над горами стоял туман, в утренней тишине слышался только медленный и осторожный стук копыт. Лу понял, что его спутник неуверенно держится в седле, и не торопился.

Когда два или три поворота дороги остались позади, туман рассеялся. Выглянуло солнце, приободрившее всю четверку. Будущее уже не виделось доктору таким мрачным. Кто знает, может эта лошадь — просто лошадь, а не бес, задумавший его прикончить при первой возможности.

И все-таки оставаться с Одуванчиком наедине Андре совсем не хотелось. И чем выше всходило солнце, тем яснее он понимал: загадочному всаднику с увесистой сумкой путешествовать опаснее, чем пешему бродячему врачу. Теперь он будет вызывать куда больше интереса у лесных разбойников. Безусловно, в дороге потребуются надежный спутник и охранник.

— А далеко ли живет ваша матушка? — решился нарушить молчание доктор.

— В местечке под Кавайоном. Дней через десять доберусь.

— Думаю, в моей компании дорога займет больше времени.

— Это точно! — рассмеялся Лу, — Вы ее не бойтесь, а то на шею сядет.

Рассудив, что эти слова относятся к лошади, доктор заметил:

— Боюсь, находить общий язык с четвероногими мне пока не дано, — ответа не последовало, и он продолжил, — Лу, вы говорили, что собираетесь искать новое место. Может быть, должность моего слуги вас устроит?

— Да на что я вам? Путешествуете налегке, сундуков таскать не надо, а людей запугивать и сами умеете.

— Все это — следствие моей собственной слабости, — удрученно заметил Эрмите, — с таким помощником, как вы, глядишь, — и времени на запугивание будет уходить меньше, и сундуков с добром станет побольше.

— И то верно, — юный великан с ухмылкой взглянул на него из-под широких полей шляпы.

— Так вы согласны?

— А чего бы нет. Вы добрый и соскучиться не дадите. Только сначала мне все равно к матери нужно.

— Что ж, — улыбнулся доктор, — полагаю, в Кавайоне люди тоже болеют.

---

[1] Лье — принятая в средневековой Франции мера длины, равная примерно 3,248 км.

[2] Су – серебряная монета, бывшая в обиходе в средневековой Франции. 20 су составляют 1 ливр.

[3] Денье – мелкая медная монета, бывшая в обиходе в средневековой Франции. 12 денье составляют 1 су.

[4] Туаз – принятая в средневековой Франции мера длины, равная примерно 1,949 м.

[5] Ливр – золотая монета, бывшая в обиходе в средневековой Франции.

